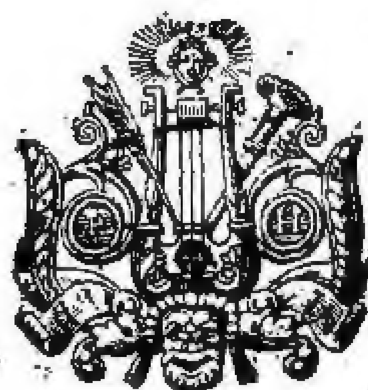
ОПЫТЪ

О НАРОДНОМЪ РУССКОМЪ СТИХОСЛОЖЕНИИ

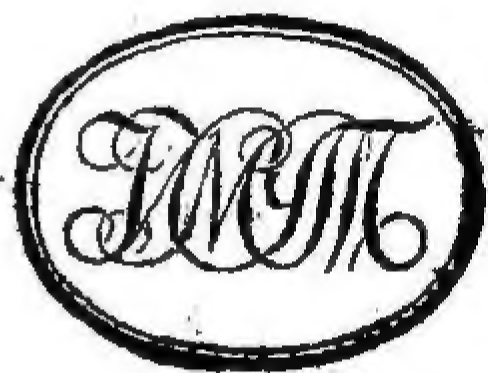
Д. Дубенскаго.

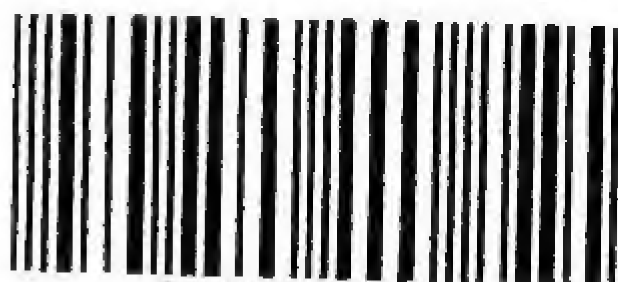

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1828.

Печатать позволяется. Москва, 1828 года, Іюля 14 дня. *Въ должности Предсѣдателя Московскаго Ценсурнаго Комитета Сергѣй Аксаковъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

Me in tenui re
Majores pennas nido extendisse loqueris? . . .
Horatius.

Со времени Тредьяковскаго, наши стихотворцы выражали свои мысли и чувствованія болѣе ямбами и хореями. Вопреки пиррихическому строенію Русскаго слова, изобилующаго гласными короткими, стопы сіи предполагаютъ въ немъ столько же долгихъ, сколько короткихъ слоговъ. Оставалось при недостаткѣ первыхъ замѣнить ихъ искусственными долгими, т. е. возвышать тихіе и принять за средніе — высокіе тоны словъ, или — что все равно — считать за одно долгіе и короткіе слоги: отъ чего стихъ нашъ новѣйшій, напр. хореическій, начинавшійся съ пиррихія, сталъ чувствительно разниться отъ стиха того же рода, выступавшаго съ хорея, напр.

— ◡ ◡ ◡ — ◡ — ◡
Россiими | летитъ | странами
◡ ◡ — ◡ — ◡ —
На златыхъ | крылахъ | молва;
— ◡
Солнца новаго лучами
◡ ◡ —
Освѣщается Москва.

Такое стихосложеніе, не слѣдовавшее въ распредѣленіи стопъ пиррихическихъ между прочими стопами двусложными никакимъ правиламъ, чувствительно разстроивало тонъ піесы и плавность стиха: ибо существенно не было положено, на какихъ условіяхъ и въ какой мѣрѣ можно допустить намъ сочетаніе пиррихіевъ съ ямбами и хореями, чтобы стихъ одного размѣра не переходилъ въ другой? Греки дали стихамъ сего рода характеръ особенный, назнача въ нихъ господствующимъ стопамъ постоянныя мѣста, именно ямбамъ четныя, а хореямъ нечетныя. Можно ли требовать гармоніи отъ нашего стопосложенія, когда принятыя въ ономъ правила ее нарушаютъ? Можно ли сказать, что наши ямбическіе стихи важны, хореическіе быстры, живы, игривы, когда оба сіи стихотворные размѣра не имѣютъ надлежащихъ предѣловъ и одинъ въ другой втекаютъ? Напр.

Дай изъ розъ въ лицѣ ей крови
И какъ снѣгъ представь бѣлу;
o o —
Проведи дугами брови
По высокому челу;
Не сведи одну съ другою,
Но разставь ихъ межъ собою;
— o
Сдѣлай хитростью своей
Какъ у дѣвушки моей.

(Ломоносовъ.)

Ежели сіи стихи хореическіе, то безсмертный отецъ Русской поэзіи по собственному выраженію намѣревался піесѣ дать ходъ скорый, быстрый, низходящій, падающій, и вопреки самому себѣ переваливался съ анапестами, восходилъ съ ямбами. Тому виною не Авторъ, но языкъ, или лучше сказать данное ему ложное риѳмическое направленіе.

Возьмемъ въ примѣръ ямбическіе стихи А. Пушкина: . . . .

Мы непростительно смѣшны.
Закабалясь неосторожно,
Мы ихъ любви въ награду ждемъ,
Любовь въ безуміи зовемъ,
Какъ будто требовать возможно
Отъ мотыльковъ, иль отъ лилей
И чувствъ глубокихъ и страстей.

Или.

И при лунѣ въ водахъ плеснувшихъ
Струистый изчезаетъ кругъ . . . .

Или.

Негодованье, сожалѣнье,
Ко благу чистая любовь
И славы сладкое мученье —
Въ немъ рано волновали кровь.

Не мое дѣло оцѣнивать здѣсь достоинство мыслей, звонкость языка и свѣтлость идей отличнаго нашего Піита; предметъ мой механизмъ стиховъ. Выбираю лучшіе, чтобы показать, какимъ образомъ наши лирическіе и

эпическіе исполины принуждены были сражаться съ пигмеями и побѣждены. Стихи сіи вѣрны по принятой риѳмической системѣ правиламъ, но осмѣливаюсь, слича съ народными стихотвореніями, не находить въ нихъ гармоніи, или лучше сказать, ладу въ основныхъ, возвышающихся звукахъ; иногда сила ихъ падаетъ на 4 й слогъ (закабалясь) иногда на 2 й (струистый). Какими законами вычислимъ такое неравенство паденія? Притомъ, слѣдуя тѣмъ же принятымъ правиламъ, не можемъ ли сказать, что въ стихахъ, начинающихся съ словъ: *мы непростительно, отъ мотыльковъ, негодованье* первая стопа есть дактиль, остальныя хореическія? — Ежели это такъ, то что значатъ наши ямбическіе и хореическіе стихи?

Говорятъ, мы заимствовали свою просодическую стихотворную мѣру у Нѣмцовъ — положимъ; но они основали ее на глубокомъ изслѣдованіи роднаго языка. Все ли то хорошо у насъ, что идетъ имъ, и свойство обоихъ языковъ одно ли и то же? Совсѣмъ нѣтъ. Для чего не искать намъ въ старинныхъ Русскихъ пѣсняхъ законовъ и тайны стихотворнаго склада, не прислушиваться къ народной поэзіи, сотворенной, положимъ безъ всякихъ

предварительныхъ теорій, но геніемъ самаго языка? Къ нещастію, съ иноземнымъ мы знакомились отъ самой колыбели, а къ Русскому природному холодны, какъ будто бы оно намъ было чужое.

Отъ такой безхарактерной формы; въ которую облеклась поэзія наша, вышло что-то неопредѣленное. Конечно, мы свои риѳмованные стихи стопуемъ, желая польстить слуху, сочетать прелесть музыкальнаго слога съ изяществомъ мыслей, дать имъ единство тона: прочтя любую новѣйшую Русскую пѣсню мы не угадаемъ, какой напѣвъ идетъ ей? Какой приличнѣе? Это должна уже рѣшить музыка, совѣтуясь съ мыслію, стихи ей мало помогутъ. Читая старинныя Русскія пѣсни, мы предвкушаемъ, такъ сказать, ихъ тонъ весёлый, заунывный, важный, игривый: ибо въ нихъ соединена музыка образованныхъ и необразованныхъ звуковъ и притомъ такъ, что

Не придутъ гусли супротивъ пѣсенъ.

Осмѣливаюсь думать, что новѣйшее наше стихосложеніе удержалось до сихъ поръ по сходству своему съ древнимъ складомъ нашихъ пѣсенъ: въ нихъ можно пріискать примѣры для всѣхъ принятыхъ теперь размѣровъ, съ тою разностію, что они могутъ стоповаться и по онымъ, а сверхъ того имѣ-

ютъ свой особенный ладъ, гораздо правильнѣе и слышнѣе обозначенный. Въ стихѣ чувствуемъ два, или три коренные тона, которымъ подчинены другіе тихіе въ большемъ, или меньшемъ количествѣ, въ совокупности образующіе музыкальную плавность цѣлой піесы. Выгода отъ такого размѣщенія различныхъ выходокъ голоса состоитъ въ удобствѣ запомнить пѣсню легко и скоро, весьма важная для народа и для вѣковъ безграмотныхъ, когда сокровища воображенія и чувства умныхъ предковъ съ быстротою молніи распространялись по націи и въ потомствѣ единственно — симъ живымъ орудіемъ. Не менѣе выгодно такое риѳмическое строеніе рѣчи для напѣва, или голоса пѣсни; ибо его удобнѣе можно перенять и запомнить, ежели сила словъ занимаетъ опредѣленныя мѣста, и слѣд. быстрота или медленность короткихъ, стоящихъ между долгими, сами собою опредѣляются. На сей-то складъ попадаютъ наши четверостопные и другіе ямбическіе и хореическіе стихи, когда не станемъ ихъ стоповать, а прочтемъ, какъ поселяне свои пѣсни, т. е. когда въ каждомъ стихѣ, какъ періодѣ, заключающемъ одну, или двѣ мысли, возвысимъ голосъ въ словѣ, важнѣйшемъ по идеѣ, одинъ разъ. напр.

Не колыхнетъ Волховъ темный,
Не шелохнетъ лѣсъ и холмъ. (Державинъ).

Или.

Лукъ звенитъ, стрѣла трепещетъ
И, клубясь, издохъ Пиѳонъ,
И твой ликъ побѣдой блещетъ,
Бельведерской Аполлонъ. (А. Пушкинъ).

Или.

Побѣдительница смертныхъ
Не имѣя силъ терпѣть,
Красоты, побѣдъ несмѣтныхъ,
Поразила Майну — смерть,
Возрыдали вкругъ Эроты....

(Державинъ).

По новѣйшей риѳмической системѣ нашей стихи сіи четверостопные, хореическіе, собственно же они, подобно нашимъ народнымъ пѣснямъ, двустопные изъ 3го пеона, женскіе, и изъ 3го пеона и анапеста мужескіе:

Лукъ звенитъ стрѣ|ла трепещетъ
И Клубясь из|дохъ Пифонъ и пр.

или

Побѣдитель|ница смертныхъ и пр.

Ямбическіе стихи отвѣчаютъ двустопнымъ изъ 4го пеона, напр.

Не лобызай меня такъ страстно,

o — o —| o — o —

Такъ часто нѣжный милый другъ!

o o o —| o o o — o

И не нашептывай всечасно. . . и пр.

Державинъ.

o o o — o o o —

Потоплена | запружена (Одесса)

Или изъ 2хъ ямбовъ и 4го пеона:

o —| o o o — | o —

То полный разобравъ колчанъ.....

А. Пушк.

Или.

o —| o —| o o o —

Алмазна сыплется гора

o — | o o o —| o — o

Съ высотъ четыремя скалами.

Шестистопный ямбическій отвѣчаетъ нѣкоторымъ образомъ древнему сказочному, ежели къ сему послѣднему прибавить слогъ короткій сначала полустишій:

o o o — o o o o o — o

Ахъ погоди весна| моей души веселье

o o o — o o o o o — o o

Своею нѣгою| дай напитаться мнѣ,

Да не увяну я | подъ пылкимъ зноемъ лѣта.

Ѳ. Глинка.

Самое сочетаніе нашихъ стиховъ, или привитіе къ нимъ риѳмы едвали вездѣ выдержитъ критическій судъ. Женскіе ямбическіе стихи у насъ оканчиваются хореями, а мужескіе хореическіе — ямбами, что же было въ народныхъ Русскихъ стихотвореніяхъ; но здѣсь это не мѣшало стройности стиха, и окончанію его

почти всегда отвѣчала предыдущая стопа паденіемъ напр.

˘ ˘ — ˘ ˘ ˘ ˘ — ˘ ˘

Во чужихъ людяхъ | жить умѣючи

— ˘ ˘ — ˘ ˘

Держать голову поклонную

— ˘ ˘ — ˘ ˘

Ретиво сердце | покорное.

Лучшіе наши піиты чувствовали это, когда писали:

— ˘ — ˘

Духъ всюду сущій и единый,
Кому нѣтъ мѣста и причины,
Кого никто постичь не могъ,
Кто все Собою наполняетъ,
Объемлетъ, зиждетъ, сохраняетъ . . . .

(Державинъ).

Или.

— ˘ — ˘

Въ пустынѣ топотъ раздается
Сѣдой потокъ предъ нимъ шумитъ

(А. Пушкинъ).

Время заглянуть намъ въ свою національную сокровищницу, куда нѣсколько поколѣній склали свои любимыя привычки, родной бытъ, обычаи, доблести народныя, проявя все это въ простой, самостоятельной піитической формѣ, образовавшейся по такту — сердца.

Ежели мнѣ посчастливилось поселить въ юныхъ писателяхъ хотя нѣкоторую любовь къ роднымъ нашимъ размѣрамъ: я достигъ

своей цѣли. Касаясь своего предмета слегка, признаюсь, излилъ свои мысли наскоро при первомъ воззрѣніи на Русскія пѣсни: что могутъ сдѣлать при свѣтильникѣ здравой критики знаменитые наши филологи, у которыхъ болѣе дарованій, болѣе познаній, средствъ и пособій!

ПРАВИЛА РУССКАГО СТИХОСЛОЖЕНІЯ.

Мѣрную, или стопованную рѣчь обыкновенно называютъ стихами, и различаютъ ихъ по роду, числу стопъ и по силѣ окончательнаго слова въ стихѣ.

По роду стопъ Русскіе стихи бываютъ 1) ямбическіе 2) хореическіе 3) анапестическіе, 4) дактилическіе и 5) смѣшанные, каковы пеоническіе, амфибрахическіе и пр.; по числу стопъ: шестистопные, пятистопные, четырехстопные, трехстопные, двустопные и одностопные; по силѣ конечной стопы стиха: мужескіе, женскіе, дактилическаго и трибрахическаго окончаній.

Стихъ есть рѣчь, состоящая изъ извѣстнаго числа стопъ, опредѣленнымъ порядкомъ расположенныхъ.

Стопа есть часть стиха, опредѣляемая извѣстнымъ количествомъ слоговъ короткихъ, или долгихъ, или тѣхъ и другихъ вмѣстѣ.

По числу гласныхъ, входящихъ въ стопы, онѣ бываютъ: двусложныя, трехсложныя и многосложныя.

Въ новѣйшей нашей просодіи тѣ гласныя въ словахъ почитаются долгими, на которыхъ, выговаривая слово, мы дѣлаемъ возвышеніе голоса, раждающееся въ семъ случаѣ необходимо отъ переводимаго дыханія, или, какъ говорятъ, гдѣ мы ударяемъ. На пр. въ словѣ: бивáки, удареніе, или сила на ва; оный слогъ есть долгій, прочіе два именуются короткими, поелику мы произносимъ ихъ тише, какъ бы подчиняя долгому. При семъ замѣтимъ, что въ Русскомъ языкѣ каждое слово, сколько бы ни было многосложно, имѣетъ одно (*) только удареніе на какомъ нибудь складу, при которомъ голосъ возвышается, и слѣдовательно одинъ слогъ долгій; всѣ прочіе (слоги), произносимые съ равнымъ пониженіемъ голоса, суть

(*) Любопытно изслѣдовать: во всѣхъ ли Губерніяхъ Велико-Россійскихъ слова имѣютъ въ выговорѣ одно удареніе. Богемскій языкъ, говоритъ Г. Востоковъ, хотя имѣетъ также во всѣхъ словахъ удареніе или выходку, а вмѣстѣ съ онымъ и протяженіе на 1 мъ слогѣ на пр. женà, сѣдѣши, бывàши т. е. протягиваетъ подобно Нѣмецкому и прочіе слоги на пр. угодилъ, слѣд. можетъ имѣть спондеическую мѣру.

коропкіе. Долгіе слоги изображаются знакомъ (—), а коропкіе знакомъ (◡) средніе (◡̲).

Прибавленіе 1. Въ извѣстныхъ образованныхъ языкахъ доселѣ употреблялись при главныя формы, или системы стихосложенія: 1) количественная, или метрическая, 2) ударительная или тоническая и 3) слогочислительная или силлабическая. Тѣ языки, въ которыхъ сверхъ ударенія или силы въ словѣ (*τονος*, accentus) гласныя буквы имѣютъ сами по себѣ (по натурѣ своей) и по положенію условную долготу и краткость, или количество (*ρυθμὸς*, numerus), по которому долгій слогъ произносится вдвое долѣе коропкаго — приняли стихосложеніе количественное. — Таковы языки: Греческій и Римскій.

Новѣйшимъ Европейскимъ языкамъ какъ-то: Русскому, Сербскому, Богемскому и друг. приличнѣе стихосложеніе тоническое. Они, повидимому, не имѣютъ собственно долгихъ и коропкихъ слоговъ въ смыслѣ древнихъ; ибо всѣ гласныя буквы въ словахъ произносятъ въ одинаковомъ пространствѣ времени: впрочемъ не возможно отвергнуть и того, что такіе языки — смотря по мѣсту ударенія въ словѣ — болѣе, или менѣе способны къ принятію формъ количественнаго стихосложенія. Стихотворная рѣчь въ языкахъ, составленныхъ изъ словъ съ силою, или удареніемъ на послѣднемъ слогѣ, каковъ Французскій, или болѣе на предпослѣднемъ, каковы Польскій и Итальянскій — слагается по системѣ силлабической, гдѣ въ со-

ставъ каждаго стиха входитъ извѣстное количество слоговъ.

Прибавленіе 2. Выше мы видѣли, что Русскія слова, кромѣ односложныхъ, имѣютъ въ гласныхъ буквахъ два тона, или перехода: высокій и тихій, и что слѣдовательно въ нашемъ языкѣ какъ бы нѣтъ собственно долгихъ слоговъ по времени протяженія своего т. е. содержащихся къ короткимъ какъ 2 къ 1 му: ибо, разсуждаютъ наши филологи, повышеніе, или сила слоговъ въ словахъ, есть совсѣмъ иное, чемъ ихъ протяженіе, и мы по сходству, весьма несовершенному, условились повышаемые склады называть долгими, а понижаемые короткими. — Да и въ семъ послѣднемъ смыслѣ, прибавляютъ они, нѣтъ въ нашемъ языкѣ долгихъ и короткихъ слоговъ, а есть только средніе, или общіе: поелику по правиламъ тоническаго стихосложенія, введеннаго Ломоносовымъ, короткіе слоги въ стихахъ протягиваются и наоборотъ долгіе сокращаются. Но, кажется, оба сіи относительные къ древнимъ языкамъ недостатки нашего нарѣчія суть мнимые, кажущіеся: мы, не подозрѣвая въ ономъ количества, или не покушаясь его основать на свойствахъ языка, сочли, что одно оставалось средство пособить тому, давши своимъ гласнымъ несвойственное спондеическое направленіе, и тѣмъ поставили себя въ необходимость выдумывать долгіе и короткіе слоги. Положимъ, что къ такой гибкости Русскія слова и способны, мы можемъ также сокращать легко долгіе, какъ и попроизволенію протягивать

короткіе склады въ словахъ, но изъ такой вольности просодической все еще трудно что нибудь вывесть разрушительное для количественнаго и тоническаго стихосложенія языка. Греки и Римляне свои долгія гласныя въ извѣстныхъ случаяхъ также сокращали, и короткія принимали за долгія, но при всемъ томъ дѣлили ихъ на долгія, короткія и общія; почему намъ непользоваться сею стихотворною вольностію?

Двусложныхъ стопъ въ Русскихъ стихахъ употребляются четыре, изъ коихъ *ямбъ* и *хорей* по количественной Поэзіи древнихъ были тривременныя, *спондей* четыре-временный и *пиррихій* дву-временный. Когда за короткимъ слогомъ слѣдуетъ долгій на пр. весна, такая стопа называется *ямбомъ*, обратно; ежели первый слогъ долгій, а вторый короткій на пр. поле, такая стопа есть *хорей. Пиррихіемъ* называются два слога короткихъ и слѣдовательно сія стопа не можетъ составить отдѣльнаго, или цѣлаго слова. Частицы: наи, пере и всякое двусложное слово въ соединеніи съ другимъ можно почитать пиррихіями, на пр. Святославъ. Два слога долгихъ на пр. трескъ трубъ называютъ *спондеемъ*; сію стопу составляютъ

или два слова односложныя, или одно съ долгимъ слогомъ другаго и наоборотъ на пр.: — — — — знакъ данъ| громъ гря|нулъ. По Ломоносовской системѣ стихосложенія пиррихіи и спондеи въ ямбическихъ стихахъ произносятся за ямбы, а въ хореическихъ за хореи, почему и замѣняютъ въ нихъ сіи стопы.

Пр. Ямбъ названъ такъ отъ Греческаго слова ἰαμβίζω поношу, злословлю; ибо древніе употребляли его болѣе въ сатирахъ; хорей отъ χορὸς хоръ, хороводъ; пиррихій отъ Πυρρίχη скорая пляска, для коихъ шли сіи стопы.

Трехсложныхъ стопъ четыре: *дактиль*, *амфибрахій* и *анапестъ* четыре-временные и *трибрахій* три-временный. Когда послѣ долгаго слога стоятъ два короткіе на пр.: — ◦ ◦ юная, такая стопа называется *дактилемъ*; ежели долгій слогъ находится въ срединѣ между двумя гласными, напр. ◦ — ◦ ◦ — ◦ доспѣхи, косынка; такая стопа есть *амфибрахій* (*врахихорей*); три слога, изъ коихъ первые два короткіе, а послѣдній долгій на пр. ◦ ◦ — человѣкъ, именующся *анапестомъ*, или *антидактилемъ*, а три слога короткихъ *трибрахіемъ*, такъ слово ◦ ◦ — ◦ ◦ ◦ перегарываетъ составлено изъ анапеста и трибрахія.

Пр. Дактилемъ названа означенная стопа отъ Греческаго *Δάκτυλος* перстъ, потому будтобы, что одинъ изъ нихъ имѣетъ подлѣ себя два другихъ короткихъ, или что каждый перстъ состоитъ изъ трехъ суставовъ, въ которыхъ, одинъ долѣе двухъ прочихъ; слово Амфибрахій также Греческое: *Αμφι* съ обѣихъ сторонъ, вокругъ, *Βραχυς*, короткій; Анапестъ такъ названъ отъ *Αναπάιςος*, вспять ударяемый, поелику плясавшіе подъ сей размѣръ, ударяли ногою иначе, нежели подъ Дактилъ.

Четверосложныя стопы суть: 1) четыре рода пеона, въ которомъ долгій слогъ съ тремя короткими попеременно ставится на первомъ, второмъ и такъ далѣе мѣстахъ напр. Крылышками есть *первый пеонъ*, кукушечка, красавица *вторый*, соколины, тѣлогрѣя *третій пеонъ*, запружена *четвертый пеонъ*, 2) *дипиррихій* (прокелевзматикъ) или два пиррихія, какъ въ словѣ: нѣкоторые, 3) *ямбохорей*, или Антиспастъ напр. Иванъ-городъ или лучи знойны и 4) *хореямбъ*, на пр. въ безднѣ погасъ и 5) меньшая Іоническая стопа, или анапестъ съ долгимъ слогомъ.

Пр. Прочія Греческія стопы, думаю, намъ несвойственны, какъ-то: большая Іоническая стопа, (или долгій слогъ и дактиль), молоссъ, или тримакръ (три долгіе слога)

амфимакръ *или* кретикъ (двѣ гласныя долгія съ краткою посрединѣ), вакхій (или короткій слогъ съ двумя долгими), полимвакхій (или два долгіе слога и одинъ краткій); эпитритъ (или четвероякое положеніе краткой при трехъ долгихъ гласныхъ), діямбъ (два ямба) диспондей, дихорей.

О Риѳмѣ или Виршѣ, Сочетаніи и Цезурѣ стиховъ.

Подъ словомъ Риѳмы разумѣютъ согласіе силы и звуковъ въ словахъ разнокачественныхъ, стоящихъ особенно на концѣ стиховъ, напр. урны, лазурны, лозы, слёзы, дѣлъ, глядѣлъ. У новѣйшихъ нашихъ поэтовъ риѳмуютъ слова: нѣжно, снѣжной, живали? живали, хуже къ тому-же и пр.

Прибавлен. Что въ количественномъ стихосложеніи древнихъ *ρυθμος*, у Римлянъ Rhythmus т. е. кадансъ, ладъ въ пляскѣ и мѣрной рѣчи, то нѣкоторымъ образомъ риѳма въ тоническихъ языкахъ. Новѣйшіе нашли средство льстить слуху особеннымъ способомъ: созвучіемъ окончательныхъ словъ въ стихахъ или рѣчи, чего, кажется, избѣгали Греки. Слагатели нашихъ народныхъ пѣсенъ нравились и невольно врѣзывались въ память возвращающеюся стопою, однообразнымъ, стройнымъ паденіемъ рѣчи, а не риѳмою и слѣдовательно ближе подошли къ риѳму въ смыслѣ древнихъ. Въ вѣкъ средняго нашего стихотворства, первые учители Смотрицкій и Петръ Могила вводили и ввели къ

намъ стихосложеніе силлабическое, въ которомъ недостатокъ благозвучія, прикрывала риѳма или вирша (Польское Wiersz, versus?). Впрочемъ и тогда это слово употреблялось въ иномъ значеніи, нежели нынѣ, и писать риѳмами значило просто: писать стихи. Такъ преобразователь у насъ силлабическаго стихосложенія Симеонъ Полоцкій называлъ свои стихи: риѳмами, собраніе стихотвореній своихъ: риѳмологіонъ, себя: Риѳмотворцемъ, а созвучное паденіе стиховъ: краесогласіемъ. Ломоносовъ первый, кажется, употребилъ слово риѳмъ въ женскомъ родѣ и въ принятомъ нынѣ знаменованіи. Тредьяковскій, подъ перомъ котораго упрямилось краесогласіе, называетъ его „дѣтинскою сопелкою, игрушкою, выдуманною въ готическія времена и всеконечно постороннимъ украшеніемъ стихамъ.“ Но творецъ Телемахиды смотрѣлъ на риѳму, какъ на камень претыканія для себя. Въ предварительныхъ мысляхъ къ своей Херсонидѣ, Бобровъ справедливѣе замѣчаетъ о Русскомъ языкѣ, что „онъ столько же щедръ на риѳмы, сколько „Итальянскій, послѣ котораго и признает„ся вторымъ между Европейскими языками:“ Ежели риѳма сдѣлалась уже украшеніемъ нашей Поэзіи, за чѣмъ намъ пренебрегать выгодою своего языка? Пословицы, въ которыхъ безграмотные наши предки передали намъ свои мысли, опыты и наблюденія, нерѣдко приправленныя риѳмою, утвердили господство ея надъ нашимъ слухомъ.

Мы не смотримъ уже на нее какъ на дѣтскую игрушку, когда ей сопутствуетъ изящная мысль, или идея. Риѳма служитъ намъ какъ бы отдохновеніемъ, опорою для памяти при изученіи стиховъ, и даетъ нерѣдко новыя мысли творческой фантазіи. Даже, пусть сознаются наши піиты, прикрываетъ въ ихъ стихахъ смѣлое, неточное выраженіе, даетъ нѣкоторое право имъ грѣшить противу правилъ и свойствъ языка, тогда какъ строгій, жестокій судъ, иногда холодное забвеніе преслѣдуютъ творцевъ Херсониды при всемъ достоинствѣ ихъ Поэзіи и описаній. Риѳма, можетъ, нравится намъ и потому что, какъ говорятъ Арабскіе стихи: (Сѣверная Лира 1827 стр. 410.)

Веселѣй подъ свистъ глотаетъ
Конь изъ свѣтлаго ручья. —

Риѳмы, въ противуположность бѣднымъ, называются *богатыми*, когда въ стихахъ конечныя слова состоятъ изъ тѣхъ же звуковъ на пр. *Ликъ, павликъ*, *грохотъ*, *хохотъ*, (новѣйшіе поэты требуютъ притомъ, чтобы риѳмовали разныя части рѣчи: напр. *дѣлъ глядѣлъ.*), или хотя изъ другихъ, но сходственныхъ напр. *невидимкой*, *дымкой*, *день*, *тѣнь.* Сіи послѣднія риѳмы извѣстны подъ названіемъ *полубогатыхъ*. *Бѣдныя*, равно какъ и *натяжныя*, поставленныя въ ущербъ идей и мысли Автора, нетерпимы.

Выше замѣчено; что достоинство новѣйшей риѳмы составляютъ тождество звуковъ и тона въ словахъ разнаго значенія; почему тѣ слова могутъ между собою риѳмовать, которыя 1) имѣютъ силу на послѣднемъ слогѣ напр. ты́, красоты́, такія риѳмы называются *мужескими, или ямбическими*; 2) въ которыхъ удареніе стоитъ на предпослѣднемъ слогѣ напр. *о́чи, но́чи*, сіи риѳмы именуютъ *женскими или хореическими*; 3) тѣ, у коихъ удареніе на третьемъ слогѣ отъ конечнаго, сіи риѳмы называютъ *дактилическими*. По свойству своему многія слова Русскія имѣютъ силу на четвертомъ слогѣ отъ конца, почему, кажется, можно принять въ свою просодію 4) риѳмы *трибрахическія* напр. точеная позолоченая, застрѣляная, потеряная.

По ударенію, или главному тону, силѣ созвучныхъ словъ, заключающихъ обыкновенно наши риѳмическіе стихи, они называются мужескими, женскими, дактилическаго и трибрахическаго окончаній.

Прибавлен. 1. Дактилическія риѳмы Ломоносовъ называетъ *троегласными*. Въ средній періодъ нашего стихосложенія Піиты, не справясь съ языкомъ, писали стихи силлабическіе съ однѣми женскими риѳмами. „Но, прибав„ляетъ отецъ Русскаго слова, неоснователь-

„ному оному обыкновенію шакъ мало можно „послѣдовашь, какъ самымъ Польскимъ риѳ„мамъ, кошорыя не могушъ бышь иными, „какъ шолько женскими; ибо всѣ Польскія „слова, кромѣ односложныхъ, силу надъ пред„послѣднемъ слогѣ имѣюшъ; у насъ эшаго „нѣшъ — и для чего же намъ оное богашсшво „пренебрегашь, безъ всякой причины само„вольную нищешу шерпѣшь и шолько однѣ„ми женскими (риѳмами) *побрякивать*, а му„жескихъ бодросшь и силу, шроегласныхъ „усшремленіе и высошу осшавляшь.“

Прибавленіе 2. Хореическія и дактилическія риѳмы могушъ бышь сложныя, напр. сшара ли? карали, везло бы, злобы, сидише ли? побѣдишели. Такъ въ свадебныхъ пѣсняхъ поюшъ:

На дворѣ не снѣгъ ли, а дружека не слѣпъ ли.

Можно предложишь нашимъ риѳмоманамъ новаго рода краесогласіе: въ Русскихъ риѳмахъ мужескихъ — согласіе двухъ, шрехъ и чешырехъ послѣднихъ слоговъ сшиха: на пр. сшрунамъ лунамъ, сирошѣ, широшѣ и пр.

Перемѣна услаждаешъ человѣческія чувсшва. Для сего находишъ ошецъ Русской Поэзіи необходимымъ въ ней сочешаніе сшиховъ, ш. е. чшобы мужескіе сшихи перемѣшаны были съ женскими. Сочешаніе дѣлаешся различно: иногда послѣ двухъ сшиховъ мужескихъ посшавлены два женскихъ и на оборошъ, напр.

(*) Такъ въ нашихъ свадебныхъ пѣсняхъ поюшъ:

Въ пещерахъ внутреннихъ Кавказскихъ снѣж-
ныхъ горъ,
Куда не досягалъ отважный смертныхъ взоръ,
Гдѣ мразы вѣчный сводъ кристальный со-
ставляютъ
И солнечныхъ лучей паденье притупляютъ...
(Херасковъ.)

Или.

Я получилъ сей даръ, наперстникъ Аполлона,
Другъ вкуса, вѣрный стражъ Парнасскаго за-
кона, —
Вниманья твоего сей драгоцѣнный даръ.
Онъ пробудилъ во мнѣ охолодѣвшій жаръ.
(Кн. Вяземскій въ посланіи И. И. Дмитріеву.)

2. Иногда чрезъ стихъ, т. е. за женскимъ стихомъ слѣдуетъ мужескій и такъ далѣе и наоборотъ, напр.

Нѣтъ ни въ чемъ вамъ благодати,
Съ счастіемъ у васъ разладъ:
И прекрасны вы не кстати
И умны вы не впопадъ.
(Мадригалъ А. Пушкина).

Или.

Ходя въ рощицѣ тѣнистой
Видѣлъ тамъ Эрота я;
На полянкѣ розъ душистой
Спалъ прекрасное дитя;
Сквозь пріятный сонъ, умильный
Смѣхъ сіялъ въ лицѣ его;
Будто яблоки наливны
Рдѣлись щеки у него.
(Спящій Эротъ, Державина.)

Или.

Загляни къ Ѳемидѣ въ храмъ:
Пусть слѣпа, да руки зрячи;
Знаетъ вѣсъ давать вѣскамъ:
Гладитъ тѣхъ, съ кого ждетъ дачи,
Бѣдныхъ бьетъ же по рукамъ.

(Кн. Вяземскій.)

И улыбается она, (Киприда)
Любовью огненною пышетъ,
И вся окрестная страна
Божественною нѣгой дышетъ!

(Раичъ.)

3. Или между мужескими двумя стихами риѳмуютъ два женскіе, напр.

Пускай талантъ не мой удѣлъ,
Но я для музъ дышалъ не даромъ,
Любилъ прекрасное — и съ жаромъ
Твой геній чувствовать умѣлъ.

(Батюшковъ — Карамзину.)

Или.

Тебѣ я младость шаловливу,
О сынъ Венеры, посвятилъ,
Меня ты плохо наградилъ,
Далъ мало сердцу на разживу;
Подобно мнѣ любилъ ли кто?
И чтожъ, я вспомню не тоскуя?...
Два, три, четыре поцѣлуя
Быть такъ, спасибо и за то.

(Баратынскій къ Амуру.)

Какъ по челу власы ты разсыпаешь черны:
Румяная заря глядитъ изъ черныхъ тучь;

И понтъ какъ голубой пронзаетъ звѣздный лучь —
Такъ сердца глубину провидитъ взглядъ твой
скромный. —
(Державинъ.)

4. Или, какъ онъ же пишетъ на смерть Вел. Княж. Ольги:

Юная роза
Лишь развернула
Алый шипокъ:
Вдругъ отъ мороза
Нынѣ уснула —
Свянулъ цвѣтокъ.

5. Или какъ у Жуковскаго;

Но, другъ мой, приготовь
Въ обители смиренной
Ты теремъ отдаленной:
Имѣть постой безсмѣнной
И дружба и любовь
Привыкли у Поэта (*).

(*) *Примѣч.* Одноримменные стихи называются мономимами, и попадаются особенно въ вольныхъ стихахъ, напр. у Багдановича:

Но всѣ при каждомъ шагѣ
встрѣчали новый страхъ:
Ужасныя пещеры
И къ верху крутизны
И въ безднѣ глубины
Безъ вида и безъ мѣры;
Инымъ являлись тамъ Мегеры,
Инымъ Драконы и Церберы,
Инымъ летучи Дромадеры,
Которыя ревами на разные манеры
Глушили слухъ,
Мутили духъ.

6. Всѣмъ извѣстна піеса Г. Ломоносова: *Вечернее размышленіе*, писанная безъ сочетанія, однѣми мужескими риѳмами, или какъ говорятъ, непрерывною риѳмою:

Лице свое скрываетъ день и пр.

Нѣсколько стиховъ, содержащихъ полный смыслъ именно: три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять до пятнадцати (*), вмѣстѣ отвѣчающихъ между собою риѳмами, *или* размѣромъ, *составляютъ строфу* (стансъ въ одахъ и гимнахъ, куплетъ въ пѣсняхъ). Назнача однажды въ первой строфѣ стиховъ размѣръ и сочетаніе, сохраняютъ ихъ въ продолженіе всей піесы.

Нѣкоторые размѣры стиховъ именно: пятистопные и шестистопные имѣютъ первые обыкновенно послѣ двухъ, а послѣдніе послѣ трехъ первыхъ стопъ стиха такъ называемую цезуру, *или* пресѣченіе, *на которой* слово должно окончиться и читатель какъ бы отдыхаетъ, напр.

Подумай сынъ || ты о царяхъ великихъ.....
Златой вѣнецъ || тяжелъ имъ становился...
Они его || мѣняли на клобукъ.

(А. Пушкина трагедія: Годуновъ.)

(*) Петровъ. Ч. I. стр. 111 въ одѣ своей, писанной въ подражаніе Пиндару строфами, Антистрофами и Эподами, поставилъ въ строфахъ, состоящихъ изъ 15 стиховъ, за 10 тетраметрами два пентаметра, за которыми слѣдуютъ еще три меньшіе стиха.

Или

Полсвѣта очертилъ || блистающій твой мечь.
(Державинъ о Суворовѣ.)

О ямбическихъ стихахъ.

По числу стопъ ямбическіе стихи раздѣляются на шестистопные, пятистопные, четырехстопные, трехстопные, двустопные и одностопные и притомъ всѣхъ сихъ размѣровъ мужескіе стихи суть акаталектическіе, т. е. имѣютъ полное число стопъ ни болѣе, ни менѣе; а женскіе иперкаталектическіе, т. е. въ нихъ къ надлежащему числу стопъ вездѣ прибавленъ лишній слогъ короткій. Такъ напр, шестистопный стихъ ямбическій мужескій состоитъ ровно изъ шести стопъ, а женскій изъ шести ямбовъ и слога короткаго; пятистопный мужескій имѣетъ ровно 5 ямбовъ а женскій $5\frac{1}{2}$ и такъ далѣе.

1. Въ примѣръ шестистопнаго ямбическаго стиха мужескаго можно привести стихи изъ Душеньки. Безсмертный ея Авторъ пишетъ, что Сатурнъ. . .

Кудритъ оставшіе волосъ своихъ клочки (муж.)
И видѣть душеньку вздѣваетъ онъ очки. —

Или.

Въ роскошномъ трепетѣ и радости и муки
Мы любимъ Пушкина плѣнительные звуки.
(В. Туманскій.)

Или женскіе:

◡ — | ◡ — | ◡ ◡ || ◡ — | ◡ — | ◡ — ◡

Бывала Душенька веселостей душою,
Бывала Душенька большею госпожою;
Или бы Душенька о чемъ нибудь вздохнула —
Илибъ поморщилась, иль только бы взглянула,
Вмигъ для ея услугъ полкибъ Духовъ явились.

Примѣръ Ямбическихъ стиховъ въ сочетаніи:

Пою отъ варваровъ Россію свобожденну,
Попранну власть Татаръ и гордость побѣжденну,
Движенье ратное, труды, кроваву брань,
Россіи торжество, разрушенну Казань.
Отъ круга сихъ временъ спокойствія начало
Какъ свѣтлая заря въ Россіи возсіяло.
(Такъ начинаетъ Херасковъ Россіяду.)

Или.

Къ монументу Петра I го.

Колоссъ Родосскій днесь смири свой гордый видъ,
И Нильски зданія высокихъ пирамидъ
Престаньте болѣе считаться чудесами:
Вы смертныхъ бренными содѣланы руками.
Нерукотворная здѣсь Росская гора,
Внявъ гласу Божію изъ устъ Екатерины,
Прешла во градъ Петровъ чрезъ Невскія пучины —
И пала подъ стопы великаго Петра,
(Рубанъ.)

Къ Музѣ:

Въ младенчествѣ моемъ она меня любила
И семиствольную цѣвницу мнѣ вручила.

Она внимала мнѣ съ улыбкой, и слегка
По звонкимъ скважинамъ простаго тростника
Уже наигрывалъ я слабыми перстами
И гимны важные, внушенные богами,
И пѣсни мирныя Фригійскихъ пастуховъ.
Съ утра до вечера, въ нѣмой тѣни дубовъ
Прилѣжно я внималъ урокамъ дѣвы тайной,
И, радуя меня наградою случайной,
Откинувъ локоны отъ милаго чела,
Сама изъ рукъ моихъ свирель она брала;
Тростникъ былъ оживленъ божественнымъ дыханьемъ
И сердце наполнялъ святымъ очарованьемъ.
(А. Пушкинъ.)

Прибавленіе. Ямбическій шестистопный стихъ названъ Александрійскимъ, какъ утверждаютъ, отъ города Александріи въ Египтѣ, гдѣ, по смерти основателя его, Греки завели особенную школу, бывшую колыбелью критиковъ. Они первые привели въ систему правила, или способъ выражать мысли пріятно звуками человѣческаго голоса. *Прогнанная изъ Европы бѣдствіемъ Греціи тамъ нашла убѣжище Греческая поэзія*, состоявшая болѣе изъ шестистопныхъ ямбическихъ стиховъ. По мнѣнію другихъ, они названы Александрійскими потому, что такимъ размѣромъ писана поэма, въ которой воспѣты были подвиги Александра Великаго. У Грековъ, въ золотый вѣкъ ихъ Словесности, чистые шестистопные ямбическіе стихи посвящены были

Мельпоменѣ (см. Еврипида) и Таліи (см. у Аристофана). Ломоносовъ, слѣдуя Нѣмцамъ, безъ всякой другой причины кромѣ подражанія, освятилъ примѣромъ своимъ ихъ въ стихи эпическіе, или героическіе, и тѣмъ сковалъ свободный ходъ эпопеи узами вялаго, однообразнѣйшаго изъ всѣхъ размѣровъ. Древніе имѣли для сего важнаго предмета экзаметръ, соединявшій въ себѣ (какъ замѣчаетъ Г. Востоковъ) всѣ условія гармоніи: разнообразіе и единство. Александрійскій стихъ нашъ развѣ только при свободѣ пиррихической можетъ быть способенъ къ нѣкоторому движенію! — Гораздо приличнѣе употребляется онъ — въ нашихъ трагедіяхъ, комедіяхъ, посланіяхъ и сатирахъ. Имъ также пишутся: басни, пастушескія стихотворенія, элегіи и эпиграммы.

Шестистопный ямбическій стихъ, какъ выше замѣчено, обыкновенно имѣетъ цезуру послѣ третьей стопы стиха, на которой слово должно непремѣнно окончиться.

2. Пятистопный ямбическій стихъ мужескій состоитъ ровно изъ 5 ямбовъ, а женскій изъ пяти и слога коротокаго съ пресѣченіемъ послѣ 2 й стопы, напр.

◦ — | ◦ ◦ ◦ — | ◦ ◦ | ◦ — ◦

Ты будешь зрѣть || ликующія нивы
И скачущи стада по скатамъ горъ,
И хижины оратая счастливы —
И скажешь: мной дана имъ тишина!
И старецъ, въ гробъ ступившій ужъ ногою

Тебя въ семьѣ воспомянувъ съ мольбою,
Речетъ сынамъ: мнѣ имъ сбережена
Въ странѣ отцовъ спокойная могила,
И скажетъ мать, любуясь на дѣтей:
Его рука мнѣ милыхъ сохранила!
(Жуковскій *въ посланіи къ свѣтлѣйшему Кутузову* подъ заглавіемъ: Вождю побѣдителю.)

Или.

Борисъ, Борисъ! все предъ тобой трепещетъ;
Никто тебѣ не смѣетъ и напомнить
О жребіи несчастнаго младенца.
А между тѣмъ отшельникъ въ темной кельѣ
Здѣсь на тебя доносъ ужасный пишетъ;
И не уйдешь ты отъ суда мірскаго,
Какъ не уйдешь отъ Божьяго суда.
(А. Пушкинъ.)

Или.

Повѣрь, когда и мухъ и комаровъ
Вокругъ тебя летаетъ рой журнальной,
Не разсуждай, не трать учтивыхъ словъ,
Не возражай на пискъ и шумъ журнальный;
Ни Логикой, ни вкусомъ, милый другъ,
Ни какъ не льзя смирить ихъ родъ упрямой;
Сердиться грѣхъ — но замахнись и вдругъ
Прихлопни ихъ проворной эпиграммой.
(А. Пушкинъ.)

Прибавленіе. У лучшихъ писателей попадаются такіе стихи сего размѣра, въ которыхъ цезура поставлена послѣ трехъ первыхъ стопъ стиха. Г. Востоковъ, для показанія вольности, какою пользовались Піиты наши въ семъ случаѣ, выписалъ изъ одной мелодрамы Г. Княжнина нѣкоторые стихи, въ

которыхъ. Цезура находится послѣ 1, индѣ послѣ $1\frac{1}{2}$, $2\frac{1}{2}$ и проч. стопъ, напр.

Плутонъ || уставы смертныхъ разрушаетъ.
Постой! || мнѣ тягостную жизнь нести.
Но сердца, || нѣжной страстью распаленна,
Къ прекрасной той || подсолнечной странѣ,
Гдѣ счастіемъ || съ богами я равнялся.
Какія муки || долженъ я терпѣть.
Всесильны стражи пропастей земныхъ,
Мнѣ ада страшныя мѣста || недики.
Мы даже до его || достигнемъ трона.

А. Сумароковъ, Княжнинъ, Карабановъ и Бобровъ прежде всѣхъ испытывали силы свои надъ симъ размѣромъ. Изъ новѣйшихъ Батюшковъ въ своемъ умирающемъ Тассѣ кажется хотѣлъ имъ замѣнить древній элегическій стихъ, и вмѣстѣ напомнить, что славная поэма: освобожденный Іерусалимъ, воспѣта пентаметромъ. Орлеанская дѣла Шиллера, переведенная Жуковскимъ, и Борисъ Годуновъ А. Пушкина писаны ямбическими пятистопными стихами. Вообще замѣчаютъ, они живѣе и способнѣе къ большему разнообразію и движенію въ нѣкоторыхъ родахъ (разумѣю здѣсь повѣствовательные роды, приближающіеся къ пѣнію), нежели ровный и важный Александрійскій стихъ, особливо когда пресѣченіе въ нихъ не будетъ постоянно наблюдаемо на одномъ мѣстѣ, а будетъ переносимо на 6й и прочіе слоги.

3. *Четырехстопный* стихъ, или тетра метръ ямбическій мужескій имѣетъ ровно

четыре ямба, а женскій четыре ямба и слогъ короткій; на пр.

Незналъ| ли ты|, что рвутъ| цвѣты
Не кру|глый годъ|; — морозъ| придетъ!
Не зналъ| ли ты|; что сча|стья цвѣтъ
Сего дня есть, а завтра нѣтъ;
Любовь роса, на полчаса;
Ахъ! чѣмъ живетъ; тѣмъ и умретъ.
Любовь, какъ пухъ взовьется вдругъ!
Тоска — свинецъ внутри сердецъ.

(Изъ народной пѣсни.)

Или:

Отъ брызговъ синій холмъ стоитъ;
Далеко ревъ въ лѣсу гремитъ.

(Державинъ.)

Или.

И что завиднѣй краткихъ дней
Не слишкомъ мудрыхъ усачей!

(А. Пушкинъ.)

Примѣръ женскихъ стиховъ:

У ногъ его дымились тучи;
Въ степи взвивался прахъ летучій.

(А. Пушкинъ.)

Примѣръ мужескихъ и женскихъ стиховъ сего размѣра въ сочетаніи:

Мы сидя тамъ въ тѣни древесной
За здравье выпьемъ всѣхъ людей:
Сперва за женской полъ прелестный,
За искреннихъ своихъ друзей;
Потомъ за тѣхъ, кто намъ злодѣи:
Съ одними намъ пріятно быть;

Другіе же, какъ скрытны змѣи,
Насъ учатъ осторожно жить.

(Державинъ.)

Межъ тѣмъ, померкнувъ степь, уснула,
Вершины скалъ омрачены;
По бѣлымъ хижинамъ аула
Мелькаетъ блѣдный свѣтъ луны.
Елени дремлютъ надъ водами,
Умолкнулъ поздній кликъ орловъ,
И тихо вторится горами
Далекій топотъ табуновъ.

(А. Пушкинъ.)

Или.

Увы! на жизненныхъ браздахъ
Мгновенной жатвой — поколѣнья
По тайной волѣ Провидѣнья
Восходятъ, зрѣютъ и падутъ;
Другіе имъ во слѣдъ идутъ....
Такъ наше вѣтреное племя
Ростетъ, волнуется, кипитъ
И къ гробу прадѣдовъ спѣшитъ.
Придетъ, придетъ и наше время
И наши внуки въ добрый часъ
Изъ міра вытѣснятъ и насъ.

(А. Пушкинъ.)

Или.

Глубока ночь! А тамъ — надъ бездной
Уранія, душа сихъ сферъ
Среди машины многозвѣздной
Даетъ вѣкамъ прямой размѣръ
Бѣгутъ вѣковъ колеса съ шумомъ!

(Пѣснь на столѣтіе Боброва.)

Приб. Ямбическій тетраметръ назывался у Грековъ стихомъ Архилохіевымъ и притомъ чистымъ, когда состоялъ изъ 4хъ ямбовъ и хромымъ; ежели принималъ на первомъ и третьемъ мѣстахъ спондеевъ. Г. Востоковъ называетъ его Ломоносовскимъ. Лучшія наши стихотворенія, особенно торжественныя Оды, писаны симъ размѣромъ. Сила и живость, свойственныя ямбу, примѣръ первокласныхъ нашихъ писателей, увлекли за собою піитовъ нашихъ: большая часть стихотвореній 18го вѣка писаны четырехстопными ямбами. А. Пушкинъ посвятилъ имъ свои прекрасныя сказочки, а Жуковскій лучшія свои стихотворенія.

4. *Трехстопный* стихъ, или триметръ ямбическій мужескій, состоитъ ровно изъ трехъ ямбовъ, а женскій сверхъ того принимаетъ еще слогъ короткій, напр.

Откол|ь, голу|бка мила,
Летишь| такъ рѣ|зво ты?
Отку|да, бѣ|локрыла,
На воздухъ льешь цвѣты
И сладкій запахъ въ чувства?
Кто, съ чѣмъ послалъ тебя?..

. . . .

Къ тому божку земному,
Кто подданнымъ отецъ;
Кому меня фелица
Въ наслѣдье отдала:
Будь, здорова ты птица,
Съ усмѣшкою рѣкла. . . . (Державинъ.)

Или.

Когда къ дверямъ смиреннымъ
Обители твоей
Придешъ съ толпою фей
Желаній прихотливыхъ,
Фортуна, врагъ счастливыхъ:
Ты двери на замокъ!
Пускай толпа стучится;
Содомъ сей въ уголокъ
Поэта не вмѣстится,
Не вытѣснивъ Харитъ.
Но, если залетитъ
Веселій рой вертляный,
Дверь настежъ, милый другъ!
Пускай въ ихъ шумный кругъ
Войдетъ: и Вакхъ румяный,
Украшенный вѣнкомъ
Съ состарѣвшимъ виномъ,
Съ наслѣдственною кружкой;
И Шутка съ погремушкой
И пляски, шумный хоръ —
Имъ радъ Досугъ шутливый!
Они осклабятъ взоръ
Работы молчаливой.
Задумчивость подъ часъ
Впускай въ пріютъ укромный....
Ея волшебной силой,
Въ Гармоніи унылой
Осенняго листка
И въ тихомъ вѣтерка
Вдоль рощи трепетаньи,
И въ легкомъ содроганьи
Дремавшія волны

Какъ будто съ вышины
Спускаетсся пріятной
Минувшаго привѣтъ,
И то, что не возвратно,
Чего навѣки нѣтъ,
Опять животворится
И тихо вѣютъ, мнится,
Надъ нашею главой
Воздушною толпой
Жильцы духовной сѣни
Невозвратимыхъ тѣни!

(Жуковскій.)

Приб. Извѣстный у Грековъ Анакреонтическій стихъ состоялъ изъ $3\frac{1}{2}$ стопъ: 1я была ямбъ, *или* по свойству Греческаго языка трибрахій, анапестъ *или* спондей, 2й и 3й ямбы, за ними слѣдовалъ слогъ долгій. Почему онъ то же былъ почти, что нашъ мужескій ямбическій триметръ. Смотр. переводы сего Писателя Мартыновымъ и Львовымъ: *къ лирѣ и женщинамъ*, и разговоръ Ломоносова съ Анакреонтомъ. Въ народныхъ Русскихъ пѣсняхъ употреблялись стихи сего рода съ дактилическимъ окончаніемъ напр.

∘ — | ∘ — | ∘ — ∘ ∘
Идетъ кузнецъ изъ кузницы.

5. *Двустопный* стихъ, или диметръ ямбическій мужескій, содержалъ два ямба ровно, а женскій два ямба и слогъ короткій напр.

Играй адель,
Не знай печали,
Харитьы Лель
Тебя вѣнчали
И колыбель
Твою качали.
Твоя весна
Тиха, ясна;

Для наслажденій
Ты рождена. (А. Пушкинъ.)

6. *Одностопный* стихъ, или монометръ ямбическій употребляется болѣе въ вольныхъ стихахъ и имѣетъ особенную пріятность, когда поставленъ кстати, и неожиданнымъ паденіемъ придаетъ рѣчи быстроту, какъ у Дмитріева:

Кто ада и небесъ едва не досягалъ —
Упалъ!

Въ мужескій стихъ сего размѣра входитъ одинъ ямбъ, а въ женскій ямбъ и долгій слогъ напр.

Клевнули
Уснули (И. И. Дмитріевъ.)
Или
Явись
И бысть (Державинъ.)

Пр. Триметры, диметры и монометры ямбическіе идутъ болѣе къ легкимъ стихотвореніямъ, каковы пѣсни и др. Къ сему прибавлю еще одно замѣчаніе. Вообще въ женскихъ ямбическихъ стихахъ всѣхъ размѣровъ послѣдняя стопа есть амфибрахій, и слѣд. напр. ямбическій шестистопный стихъ состоитъ изъ 5ти ямбовъ и амфибрахія; пятистопный изъ четырехъ ямбовъ и и амфибрахія, четырехстопный изъ трехъ ямбовъ и амфибрахія и т. д.

II.

О хорейческихъ стихахъ.

Хорейческіе стихи употребительны болѣе четырехстопные, трехстопные и двустопные.

Приб. Тредьяковскій, Сумароковъ, Капнистъ и другіе написали нѣсколько пѣсенъ и элегій шестистопными хорейческими стихами; новѣйшіе, кажется, совсѣмъ оставили сей размѣръ. Состоя изъ двухъ полустишій, въ каждомъ по три хорея, какъ можно видѣть въ Элегіи Г. Батюшкова на смерть К-ой:

Все вокругъ уныло, — || чуть зефиръ весенній
Памятникъ лобзаетъ. . . . . .

или, заключая въ одномъ изъ полустишій попеременно лишній слогъ долгій, дабы выходили мужескіе и женскіе хорейческіе экзаметры, стихи сіи походятъ болѣе на триметры и тетраметры хорейческіе на пр.

1 2 3 ½ 4
— ◦ | — ◦ | — ◦ | — ½ — ◦ | — ◦
Гдѣ Стигійску грань дѣлитъ || съ полемъ добро-
5 6
| — ◦
врачнымъ
Свѣтозарнѣйшій предѣлъ || поясомъ безмрачнымъ;
1 2 3 4 5 6
— ◦ | — ◦ | — ◦ — ◦ | — ◦ | ◦ ◦ | — ½
Гдѣ и зеленѣютъ || всѣ цвѣтущіи сады,
Въ коихъ древо всяко || жизненны родитъ плоды.
(Тредьяковскій.)

Въ народныхъ Русскихъ пѣсняхъ гораздо лучше распредѣлены полустишія сего размѣра: первое оканчивалось дактилемъ; второе состояло изъ двухъ хореевъ и долгаго слога, на пр.

— ◡ | — ◡ | — ◡ ◡ — ◡ | — ◡ | —
Или ты не думаешь || во все обо мнѣ.

. . . .

— ◡ | ◡ ◡ | — ◡ ◡ — ◡ | — ◡ | —
Сердце возтрепещется || и утихнетъ кровь;
Мысли успокоятся, || робость отойдетъ.

Или.

Другъ мой милой, || красно солнышко мое,
Соколъ ясный, || злашокрылой мой орелъ!
Ужь недѣлю, || не видался ты со мной;
Ужь недѣля, || какъ спозналась съ горемъ я,

Или безъ Цезуры:

У Сергѣюшки, головушка гладка,
У Иванушки походка хороша. —

Тредьяковскій и къ пятистопному хореическому стиху прибавлялъ слогъ лишній для тойже причины, и стихъ его имѣлъ такую форму:

— ◡ | — ◡ | — || — ◡ | — ◡ | — ◡ женск.
— ◡ | — ◡ | — ◡ || — ◡ | — ◡ | — мужес.

У Боброва (Разсвѣтъ Полн. ч. 1я стр. 18) можно видѣть нѣсколько пентаметровъ хореическихъ, на пр.

— ◡ | ◡ ◡ | — ◡ | ◡ ◡ | — ◡
Слався Александръ, Елисавета
До вечерней тихихъ дней зари;
И сіяніе въ страну полсвѣта
Съ высоты престола распростри.

Вообще мужескіе хореическіе стихи, у насъ принятые, суть всѣ каталектическіе, т. е. въ нихъ недостаетъ слога короткаго, а женскіе акаталектическіе, т. е. содержатъ надлежащее по размѣру число стопъ безъ излишества и недостатка. Такъ четырехстопный хореическій мужескій стихъ имѣетъ три хорея и слогъ долгій, а женскій ровно четыре хорея; трехстопный мужескій состоитъ изъ двухъ хореевъ и слога долгаго, а женскій изъ трехъ ровно; въ двустопный хореическій мужескій входятъ одинъ хорей съ долгимъ слогомъ, а въ женскій два хорея и пр.

1) Примѣры хореическихъ четверостопныхъ женскихъ и мужескихъ стиховъ:

— ◡| — ◡|— ◡|— ◡
Зрѣль-ли ты, пѣвецъ Тіискій, ж.
Какъ въ лу|гу ве|сной бы|чка. м.
Пляшутъ| дѣву|шки Рос|сійски
Подъ сви|рѣлью| пасту|шка?
Какъ, склонясь главами, ходятъ,
Башмаками въ ладъ стучатъ,
Тихо руки, взоръ поводятъ
И плечами говорятъ.
Какъ подъ лентами златыми
Чела бѣлыя блестятъ.

(Державинъ.)

Или.

Все въ тор|жествен|номъ мол|чаньѣ:
Прита|ились| вѣте|рки;

Лавровъ стихло трепетанье;
Спятъ на розахъ мотыльки.
Такъ молчало всё творенье —
Море, воздухъ, берегъ дикъ —
Зря пѣнистыхъ водъ рожденье
Анадіомены ликъ.

(Жуковскій.)

Или.

Слышишь, мчится колесница
Тамъ по звонкой мостовой!
Правитъ сильная десница
Коней сребряной уздой!
Ихъ копыта бьютъ о камень;
Искры сыплются струей,
Пышетъ дымъ, и черный пламень
Излетаетъ изъ ноздрей;
Рѣзьбой дивною и златомъ
Колесница вся горитъ.

(Батюшковъ.)

Съ дактилическимъ окончаніемъ:

Ахъ почто за мечь воинственный
Я мой посохъ отдала:
И тобою дубъ таинственный
Очарована была.

(Жуковскій.)

Или одни мужескіе:

— ◦| — ◦|— ◦|—
Вдоль по Волгѣ по рѣкѣ,
По нагорной сторонѣ:
Выплывали шутъ стружки,
Забѣлѣлись паруски,

Тамъ сидятъ одни гребцы;
Все удалы молодцы.

(Изъ народныхъ пѣсенъ.)

Одни женскіе:

— ◡ | — ◡ | — ◡ | — ◡

Ты душа красна дѣвица,
Выйди, выйди на крылечко,
Взвесели мое сердечко!
И я радабъ къ тебѣ вышла,
Да у батюшки сосѣди,
А у матушки есть гости,
У мила брата подъячи,
У меня младой подружки.

(Изъ народ. пѣсенъ.)

Дактилическаго окончанія:

— ◡ | — ◡ | — ◡ | — ◡ ◡

Перестань стонать, кукушечка,
Не кукуй ты заунывная!
Ужъ и такъ мое сердечушко,
Надорвалося, надсѣлося!

2) Примѣры триметровъ, или трехстопныхъ хореическихъ женскихъ:

Весна.

— ◡ | — ◡ | — ◡

Хладъ зимы сокрылся,
Разцвѣли долины;
Съ юною весною
Пробудился зефиръ,
Легкими крылами
Вѣетъ ароматы
Съ лилій и ясминовъ.

(Ознобишинъ, изъ Греческой Антологіи.)

Примѣръ однихъ мужескихъ:

— ○| — ○|—
Ты когда цвѣла, (рябинушка)
Когда цвѣтъ опалъ?
Я весной взошла . . .
Лѣтомъ выросла
По зарямъ цвѣла,
Въ полдень цвѣтъ опалъ.

(Изъ народ. пѣсенъ.)

Или въ сочетаніи:

Всѣхъ цвѣ|точковъ| болѣ ж.
Розу| я лю|билъ; м.
Ею только въ полѣ
Взоръ мой веселилъ.

(И. И. Дмитріевъ.)

Четвеностопные женскіе вмѣстѣ съ мужескими трехстопными:

— ○| — ○| — ○|— ○
Охъ ты спишь не спишь Параня
—○|— ○|—
Или такъ лежишь?
Я несплю, не сплю, Ванюша,
Больше такъ лежу;
Все тебя, мой другъ, Ванюшу
На умѣ держу. (изъ народ. пѣсенъ.)

Четырехстопные и трехстопные женскіе:

— ○|—○| —○| — ○
Какъ поѣдешь ты вѣнчаться
—○|— ○|— ○
Заѣзжай прощаться!
Ты возьми тоску кручину
Съ меня молоденьки,
Заплети мою кручину
Добру коню въ гриву;

Ты размычь мою кручину
По чистому полю.

(Изъ народ. пѣсенъ.)

Дактилическаго окончанія:

— ◦ | — ◦ | — ◦ ◦
А мы чистку чистили;
— ◦ | — ◦ | — ◦ ◦
А мы просо сѣяли.

(Народн. пѣсня.)

3. Примѣры диметровъ хореическихъ, или двустопныхъ стиховъ:

мужескихъ:

— ◦ | — ◦
Хладенъ свѣтелъ,

День проснулся —
Ранній пѣтелъ
Встрепенулся.

(Ѳ. Тютчевъ.)

Мужескихъ и женскихъ вмѣстѣ.

— ◦ | —
Молимъ васъ
— ◦ | — ◦
Боги гнѣва
И зрева
Въ страшный часъ!

Ахъ пошлите
Солнца лучь;
Разгоните
Мраки тучь.

(Карамзинъ.)

Прибавленіе. Ежели ямбъ — какъ первая стопа въ Русскомъ языкѣ по силѣ и важности — идетъ для страстнаго и высокаго, то трогательное, легкія, тихія и пріятныя движенія сердца лучше выражаются хореемъ. Будучи мягче и нѣжнѣе ямба, хорей придаетъ особенную прелесть или грацію стихотворному стилю. Анакреонтическія творенія Державина: *Хариты*, *Русскія дѣвушки* и др., множество старинныхъ нашихъ пѣсенъ писаны хореями.

III.

Объ анапестическихъ стихахъ, чистыхъ и смѣшанныхъ.

---

1. Чистые анапестическiе стихи шестистопные и пятистопные неупотребительны. Выпишу въ примѣръ оныхъ изъ словаря Г. Остолопова слѣдующiе два стиха:

Не имѣя законной вины || вопiемъ мы на промыселъ вѣчный,
Для чего мы грустимъ || и внимаемъ единый лишь стонъ.

2. У новѣйшихъ нашихъ стихотворцевъ можно найти примѣры четырехстопныхъ, трехстопныхъ и двустопныхъ чистыхъ анапестическихъ стиховъ. Въ тетраметръ анапестическiй женскiй входятъ ровно четыре анапеста и слогъ короткiй, а въ мужескiй только 4 анапеста, на пр.

О Владыко Вселенной на Тя уповаю ж.
(А. Сумароковъ. Пс. 32 кн. IV.)

Поднявшись облачкомъ легкiй паръ отъ нее
Образуетъ Рогнеды прекрасной черты. . . .
По плечамъ разстилались, какъ бархатъ, власы...
(Каменева: Громвалъ.)

3. *Трехстопный* стихъ; или триметръ анапестическій мужескій состоитъ изъ 3хъ анапестовъ, а женскій изъ трехъ анапестовъ и короткаго слога. на пр.

o o — | o o — | o o —
Колокольчикомъ въ горлышкѣ бьетъ. муж.
(Державина: Ласточка.)

o o — | o o — | o o — o
Ахъ какъ бы на цвѣты не морозы
И зимой| бы цвѣты| разцвѣтали.
(Народ. пѣсня.)

4. *Двустопный* стихъ анапестическій мужескій имѣетъ ровно два анапеста, а женскій сверхъ того еще слогъ короткій, на пр.

o o — | o o —
Подымаится конь

o o — | o o — o
Выше темнаго лѣсу

o — | o o —
(Къ густымъ облакамъ;
Онъ и холмы и горы
Межъ ногъ пропускаетъ;

o — | o o —
Бѣжитъ и летитъ
По далекимъ странамъ).

Чистые анапестическіе стихи и смѣшанные изъ анапеста, пиррихія и ямба каковы: пеоническіе и амфибрахическіе, употребительны болѣе въ народныхъ Русскихъ пѣсняхъ; приступая къ изложенію размѣра оныхъ, полезнымъ нахожу присовокупить къ тому нѣкоторыя замѣчанія.

Не льзя предполагать; чтобы просодическое число древнихъ, или риѳмъ, сокращавшій повышаемые слоги и наоборотъ протягавшій тихіе; возникъ вмѣстѣ съ самымъ языкомъ Грековъ и Римлянъ. Вѣроятно музыка передала ихъ народной пляскѣ и поэзіи свой размѣръ; или число, а оно въ послѣдствіи перешло въ самую рѣчь и сообщило условную краткость и долготу слогамъ. Слова подобныя подчинились тѣмъ же законамъ, и система просодическая мало помалу яснѣе выражалась и совершенствовалась.

Новѣйшіе языки, именно Русскій, положимъ; не имѣютъ количества въ слогахъ, что мѣшаетъ сотворить оное? Выговаривая разными тонами: высокимъ, среднимъ и тихимъ свои гласныя, мы условились давать имъ постепенность; согласимъ съ нею время, такъ что бы число просодическое не оскорбляло нашего слуха; переймемъ у древнихъ самое стихосложеніе и, сколько можно, примѣнимъ къ свойству своего нарѣчія, чтобы долгіе слоги были слышнѣе и протяженіе на нихъ чувствительнѣе (чего не льзя сдѣлать одними ямбами и хореями), и мы получимъ Русское риѳмическое число. Справедливо замѣчаетъ Мармонтель, что нѣтъ звука образованнаго, или чистаго, который бы по своей

природѣ не былъ способенъ къ медленности; или быстротѣ, и къ тому, или къ другому: не имѣя первой, онъ уже предполагаетъ вторую, и наоборотъ.

Скажутъ, древніе языки изобиловали слогами долгими — ежели мы примемъ за таковые свои только тоны, возвышаемые, то какъ мало будетъ у насъ долгихъ и много короткихъ!

Различіе нашего стихосложенія со стихосложеніемъ древнихъ будетъ состоять въ томъ: они начинали болѣе свои стихи съ долгихъ гласныхъ; употребляли чаще спондеическую мѣру, а мы замѣнимъ послѣднюю своими ямбами, или хореями и трибрахіями (что было и у нихъ), и будемъ начинать стихи свой съ короткихъ слоговъ, чего требуетъ пиррихическая плавность Русскаго языка. Такъ древніе наши Баяны умѣли сотворить въ немъ количество: окружа двумя, тремя или четырмя тихими звуками слогъ долгій, они дали имъ, нѣкоторымъ образомъ, протяженіе во времени, на пр.

∪ ∪ ∪ — ∪ ∪
Одна пташечка

∪ ∪ ∪ — ∪ ∪
Соловеюшко
Оставался;

◡ ◡ — ◡ ◡
Жалобнешенько
Соловеюшко
Воспѣваешъ.

Народъ, слѣдуя шакшу господствующей стопы, положимъ многосложной, пѣлъ смѣшанныя съ ними немногосложныя стопы подобно первымъ, ш. е. прошягалъ и сокращалъ слоги и не пушался. Вошъ почему можно найти въ народныхъ нашихъ пѣсняхъ спондеи, естественно вышекающіе изъ системы пѣсельнаго размѣра. Поставя два слога односложныхъ, ямбъ или хорей, шамъ гдѣ слѣдовало стоять пеону или анапестопиррихію, наши слагатели пѣсенъ чрезъ то какъ бы показывали пѣвцу, или чишателю, что въ произношеніи должны они уравнивать количествомъ сіи двусложныя стопы съ трехсложными и другими многосложными стопами, подлѣ которыхъ стоятъ, на пр.

◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡
Опустилъ | бы золотъ перстень

— — ◡ ◡ — ◡ ◡
Въ кубецъ | меду сладкаго

Очевидно, здѣсь слѣдуетъ произнести *кубецъ* также, какъ: *опустилъ* и слѣдовательно слогу *ку* дано количество, равняющееся двумъ слогамъ: *опу*; вотъ возможность

онаго въ тонической системѣ нашего языка́ независимо отъ ударенія, какъ у Грековъ.

Или: вмѣсто ямба анапестъ и 4й пеонъ

o —|o —|o o—|o o —
Отрѣзалъ хлѣба великой сукрой
o o —|o o o—|o o —|o o o—
Ай хлѣба насолилъ его въ Волгу опустилъ,
o o—|o o o —|o o —|o o—
А спасибо тебѣ матушка Волга рѣка.

Видѣть можно, что первый слогъ: *от* равняется во времени всѣмъ короткимъ слогамъ стоящимъ между долгими, слѣд. индѣ пиррихію, индѣ трибрахію. Вотъ еще примѣры:

Амфибрахій вмѣсто 3 го пеона:

o o —o|o o —
Шитой, браной положекъ
o —o| o o—
Тавтою обложенъ,
Разнымъ шелкомъ разстроченъ т. е. долгій слогъ имѣетъ время двухъ и трехъ краткихъ.

Или.

— o o|— o o|—o o o| — o
Добрые люди пожалуйте на свадьбу:
—o| — o |— o
Хлѣба съ солью кушать
—o o|—o o|— o
Бѣлаго лебедя рушать.

Или.

o — o o o—
Природная | коса
o — o o o o—
До шелкова | пояса.

Ежели это такъ, то не льзя ли сказать о нашихъ народныхъ стихахъ тоже, что замѣчаютъ о Греческомъ экзаметрѣ — что они также, или еще болѣе способны, нежели къ 3 измѣненіямъ въ порядкѣ и количествѣ слоговъ, не выходя изъ мѣры музыкальныхъ временъ?

◡ ◡ —| ◡ ◡ ◡ —| ◡ ◡ —| ◡ ◡ ◡ —

Ай хлѣба насолилъ, его въ Волгу опустилъ: чего не могло быть безъ долгихъ и короткихъ слоговъ.

По новѣйшему нашему стихосложенію короткіе слоги протягаются, а въ народныхъ пѣсняхъ долгіе слоги сокращаются; но сія вольность вытекаетъ изъ свойствъ самаго языка. Г. Востоковъ замѣчаетъ, что „подобно какъ въ словѣ Русскомъ есть особое удареніе, такъ цѣлое предложеніе, или періодъ, или стихъ, когда изображаетъ одну нераздѣльную купу мыслей, приемлются какъ бы за одно сложное слово, коего составныя части должны по законамъ просодическаго единства подчиняться одной главнѣйшей, а сіе иначе не можетъ быть, какъ отнятіемъ у нихъ ударенія, признака ихъ отдѣльности, или независимости.“ Наблюденіе сіе надъ нашимъ языкомъ сдѣлано знаменитымъ филологомъ весьма справедливо: его можетъ повѣрить всякой, кто обратитъ вниманіе на

главное ударенiе въ рѣчи, падающее всегда на важнѣйшее слово по мысли своей.

Греки основали число свое .болѣе на сложности звуковъ. Тѣ слоги приняты за долгiе, для выговора которыхъ потребно болѣе времени, каковы двугласныя, гласныя предъ двумя, или болѣе согласными и другiе по натурѣ. Въ народныхъ нашихъ пѣсняхъ долгота придана силѣ словъ; около ея, такъ сказать, обращается риѳмическая стройность стиха; согласныя въ количество не входятъ: едвали такая просодическая система, основанная единственно на гласныхъ, не есть приличнѣйшая нашему языку, тѣмъ болѣе, что ударенiе въ немъ падаетъ на всѣ слоги, на 4й 5й и прочiе отъ конца, каковой свободы древнiе языки не имѣютъ, и слѣд. неспособны къ подобному количеству.

Народное Русское стихосложенiе сочинялось по стопамъ особеннымъ, назову ихъ сложными (по отношенiю къ новѣйшимъ): въ распредѣленiи ихъ слагатели пѣсенъ не держались никакихъ теорiй; вдохновенiе и чувство вели ихъ; напѣвъ, вѣрный имъ спутникъ, соразмѣрялъ слова по нѣкоторому тайному закону: такъ образовались всѣ наши стихотворные размѣры. Нѣкоторые изъ нихъ такъ просты, такъ удобно прикладываются ко

всѣмъ родамъ, что, кажется; самому неграмотному человѣку можно импровизовать на нихъ о всякомъ предметѣ, я разумѣю здѣсь размѣръ сказочный, коимъ писана прекрасная піеса Карамзина: *Илья Муромецъ*, и большая часть стихотвореній Кирши-Данилова. Повидимому полная, любимая стопа народная, приводившая въ игру пѣсельные размѣры, есть *пеонъ*, особенно 2й и 3й; онъ удобно примѣняется ко всѣмъ прочимъ стопамъ, даже къ дактилю и хорею, и въ соединеніи съ ними имѣетъ особенную пріятность. *Анапестопиррихій* (◡ ◡ — ◡ ◡) и *анапестотрибрахій* (◡ ◡ — ◡ ◡ ◡) *четвертый пеонъ съ пирриxіемъ* (◡ ◡ ◡ ◡ — ◡ ◡), *анапестъ, амфибрахій* и *ямбъ* суть какъбы измѣненіе, или сокращеніе тѣхъже стопъ; почему встрѣчаемъ, что лишній слогъ короткій и даже два и болѣе, слѣдовательно недостатокъ, или отсутствіе оныхъ не нарушаютъ стройности стиха, а придаютъ ему, напротивъ, быстроту, или медленность.

Въ народномъ Русскомъ стихосложеніи риѳма дѣло стороннее, но попадается такъ, что ей ничѣмъ не жертвовали; она вытекала изъ созвучія языка сама собою и оканчивала полустишія стиха, или похожія стопы, не нарушая законовъ стихотворна-

го размѣра. Дабы дать понятіе обо всѣмъ этомъ, подведу народныя наши пѣсни, по господствующимъ въ нихъ стопамъ, подъ два главные рода: онѣ бываютъ или а) анапестическія чистыя и смѣшанныя, каковы: пеоническія, амфибрахическія или b) дактилохореическія, притомъ: одностопныя, двустопныя, трехстопныя, четырехстопныя, пятистопныя, шестистопныя, ямбическаго, хореическаго, дактилическаго и трибрахическаго окончаній.

A.

Анапестическіе стихи:

(а) Чистые

1. *Одностопные*: дактилическаго и хореическаго окончаній:

◦ ◦ — ◦ ◦
(*) а, Мѣлки пташечки

◦ ◦ — ◦ ◦
Вонъ изъ садика

◦ ◦ — ◦
Вылетали;
Одна пташечка
Соловеюшко
Оставался;
Жалебнешенько
Соловеюшко
Воспѣваетъ.

◦ ◦ — ◦ ◦
b. Ты рябинушка,
Ты кудрявая,

(*) По нынѣшнему стихосложенію хореическіе двустопные женскіе и дактилическаго окончанія въ сочетаніи.

Ты когда взошла?
Когда выросла?
Ты когда цвѣла?
Когда цвѣтъ опалъ?
Я весной взошла,
Лѣтомъ выросла;
По зорямъ цвѣла,
Въ полдень цвѣтъ опалъ.

c. Ты отдай злодѣй
Мой золо́тъ перстень,
И возьми назадъ
Свой булатный ножъ;
Проколи ты имъ
Мою бѣлу грудь;
Распори мое
Рети́во сердце.

Трибрахическаго окончанія:

d. Кровать точеная
Позолоченая.

Иногда вмѣсто анапеста употребленъ 4й пеонъ, напр.

e. Ты веспой веспой
Младъ жавороночекъ
Сидючи весной
На проталинкѣ.

2. *Двустопные* анапестическіе дактил. окон.:

f. Ахъ ты свѣтъ сѣра утица
Потопилъ | малыхъ дѣтушекъ
Ты и въ ме|ду и въ патокѣ
И во я|ствѣ сахарномъ.

Пр. Стихи сіи можно принимать за двустопные пеоническіе (см. ниже. d^4 и e^4).

g. Изъ Кремля крѣпка города,
Изъ дворца | Государева
До самой | Красной площади —
Ахъ вели | казнить молодца,
Атама|на Стрѣлецкаго!

Вмѣсто анапеста индѣ 4 й пеонъ:

h. Далеко звѣзда катилася (*)
Прочь отъ свѣтлова мѣсяца:
Перешла наша дѣвица,
Такъ изъ гор|ницы въ горницу,
Изъ столо|выя въ новую.
Перешедъ| она задумалась,
Призадумавшись заплакала.
Во слезахъ| слово молвила:
Государь родимой батюшка,
Государыня матушка,
Ужъ не льзя | ли того, сдѣлати:

(*) По новѣйшему стихосложенію стихъ сей четверостопный хореическій дактилическаго окончанія.

Меня дѣвицу не выдати!

Хореическаго окончанія:

o o — | o o — o
i. Какъ у насъ во садочкѣ,
Какъ у насъ | во прекрасномъ
Хорошо пташки пѣли,
Хорошо воспѣвали.

Хореическаго окончанія и анапестическаго вмѣстѣ:

o o — | o o — o
k. Востренепенется соколъ
o o — | o o —
На дубу сидючи;
Какъ распла|чется дѣвка
Въ терему | подъ окномъ:
Ты мой ба|тюшка, свѣтъ мой
Умились | надо мной;
o o — | o o o —
Не давай меня замужъ (*)
Ты за Вол|гу рѣку;
Госуда|рыня мати
o o — | o o o
Ты за Волжанина!

Или.

o o — | o o —
l. Ахъ ты сельскій пѣтухъ,
o o — | o o o —
Деревенской щепетунъ.
За чѣмъ ра|но встаешь,
Голоси|сто поешь,
Съ милымъ спать | не даешь?

(*) Хореическій мужескій, четверостопный.

3. *Трехстопные* анапестическiе трибрахическаго окончанiя:

т. Щука шла изъ Новагорода,
Она хвостъ волокла изъ Бѣла-озера.
Какъ на щукѣ чешуйка серебряная,
Что серебряная, позолоченая;
А головка у щуки унизаная.
(Свадебная.)

Или.

п. Только съ ножки на ножку поскакиваетъ;
Онъ сапогъ | о сапогъ | покола|чиваетъ.

Дактилическаго окончанiя:

о. Растворю я квашенку на денышкѣ.

Хореическаго окончанiя:

р. Ужъ кабы на цвѣты не морозы
И зимо|юбъ цвѣты | разцвѣтали;
Ужъ кабы | на меня | не кручина
И бѣлабъ я была и румяна;
Не сидѣла бы я подпершися.
Ужъ я батюшкѣ | говорила,
Государ|рю своему | доносила:
Отдавай | меня ба|тюшка замужъ,
Не выбирай, государь, | мнѣ богатство,
Выбирай, государь, человѣка:

Мнѣ не стыднобъ младѣ въ люди выйши (*)
Какъ ужъ цвѣшно шо плашье на грядкѣ,
А увѣчье у меня за плечьми.

Или.

Вмѣсто анапеста индѣ 4й пеонъ или ямбъ:

q. Ахъ вы кумушки голубушки подружки (**).
Вы кошорому свяшишелю молились!
Вы кошорымъ чудошворцамъ обѣщались?
Что у васъ мужья молодые!

Пр. Сіи сшихи впрочемъ лучше размѣряшь можно 3 пеономъ (см. ниже у[4]).

Іли.

r. Заплешися плешень, заплешися,
Ты завей|ся шруба| золошая,
Заверни|ся камка| хрущашая.

Іли.

s. Черезъ рѣчку черемха лежала;
Да никшо |по черем|хѣ неходишъ,
Да одинъ Иванъ переходишъ,
Душу Аннушку переводишъ,

(*) Пяшисшопные хорейческіе сшихи, коими писалъ Бобровъ. См. выше.

(**) Шесшисшопный хорейческій безъ пресѣченія. См. Башюшкова на смершь Кок.:

Радость Сер|гіевну| переводитъ.
Переведши ее,| поцѣлуетъ
Черезъ низаное ожерелье,
Черезъ пуговки золотыя.

(Свадебная.)

Ямбическаго окончанія:

t. Не спаси|бо Игумну тому,
Не спаси|бо всей бра|тьѣ его
За что молоду въ черницы стригутъ.

4. *Четырехстопные* анапестическіе хореическаго окончанія:

u. Отомкнись мой Нѣмецкой замокъ, отомкнися;
Отложись, |полуже|ная цѣпь,| отложися;
Отворись, |кипари|сная дверь|, отворися;
Распахнись, штпой бранъ положекъ, распахнися;
Развернись, хрущатая камка, развернися.

Или.

Ямбическаго окончанія:

x. Ахъ ты сѣй мати мучицу, пеки пироги;
Къ тебѣ будутъ гости не чаянные:
Къ тебѣ бу|дутъ го|сти, ко мнѣ | женихи,
Къ тебѣ будутъ въ лаптяхъ, ко мнѣ въ сапогахъ.

Анапестическіе съ 4 пеономъ (*):

(*) Можно почитать ихъ пеоническими смѣшанными изъ 3 го пеона, амфибрахія 3 го пеона и анапеста.

y. Ахъ вы сѣни, вы сѣни сѣни новыя мои!
Ахъ по этимъ по сѣничкамъ не хаживати,
Во косящето окошечко не глядывати.

Или.

z. Ахъ пошелъ | молодецъ, | ахъ пошелъ | удалецъ
Молодецъ | дѣвкѣ челомъ, | съ молодца | шляпа долой;
Тото честь | молодцу, | то хвала | удальцу
Ахъ ты дѣвушка подай, раскрасавица подай.
Не раба сударь твоя, я не слушаю тебя,
Я не слушаю тебя, не работай на тебя. (*)
Охъ Дунай ли мой Дунай, сынъ Ивановичь, Дунай!

(b) *Смѣшанные.*

Изъ анапестопиррихіевъ.

1. *Двустопные.* (**)

aa) Ты о чемъ о чемъ встосковалося
Ретиво сердце во бѣлой груди?
Я опалъ, поблекъ, какъ осенній цвѣтъ.

Съ риѳмою.

bb) На горѣ лужокъ зеленешенекъ;
У меня дружокъ молодешенекъ.

(*) Стихи сіи пеоническіе см. n5.

(**) Примѣры одностопныхъ сего размѣра см. b, c; e.

Мы пойдемъ дружокъ; разметемъ лужокъ

Разметемъ лужокъ заведемъ кружокъ (*).

Или.

cc) Я пойду млада во высокъ теремъ,

Я возьму свои золошы ключи,

Ошопру мои кованы ларцы.

Примѣч. Симъ размѣромъ писаны почти всѣ старинныя наши сказочки; нѣкоторыя піесы Кирши-Данилова; на пр. Дюкъ Степановичь, Михайло Козариновъ и Гимнъ Венерѣ отъ Сафо, переведенный Г. Мерзляковымъ:

Цвѣтоносная, вѣчноюная;
Афродита; дщерь Зевса вышняго,
Милыхъ хитростей матерь грозная!
Не круши мой духъ ни печалями,
Ни презрѣніемъ! —
(Уранія 1826, стр. 260.)

Или.

dd) Во чужихъ людяхъ жить умѣючи,

Держать голову поклонную.

Ретиво сердце покорное.

Или.

ee) Ужъ не сыръ боръ загарается;

Миль сердешной другъ разнемогается

Бѣлгарючками разгорается.

(*) Мужескіе трехстопные, хореическіе, по два въ рядъ.

Изъ анапестопиррихія и 2 го пеона.

ff) Ахъ шаланъ ли мой | шаланъ шакой,
Или учасшь мо я горькая,
Иль звѣзда моя злощасшная?
Высоко звѣзда восходила
Выше свѣшлаго | мѣсяца,
Что затьмило красно солнышко.

Примѣч. Сей размѣръ также весьма употребишеленъ въ старинныхъ нашихъ стихошвореніяхъ. Г. Карамзинъ написалъ онымъ прекрасную свою сказочку: Илья Муромецъ, напр.

Витязь снялъ съ себя пернатый шлемъ;
Чернобархатные волосы
По плечамъ его разсыпались;
Какъ заря алѣетъ на небѣ,
Разливаясь въ морѣ розовомъ,
Предъ восходомъ солнца краснаго:
Такъ румянецъ по щекамъ его
Разливался въ аломъ пламени.

Или.

gg) У нась на дворѣ туманъ туманъ
Что такой туманъ со дождичкомъ;
Во чистомъ полѣ буйны вѣтры

Что буйны вѣтры со вихоремъ;
На синемъ морѣ| погодушка:
Есть у дѣвушки зазнобушка.

2. *Трехстопные.*

Изъ трехъ анапестопиррихіевъ:

hh) Ужъ какъ кто тебя сиротинушку воспоилъ вскормилъ?
Воспоилъ вскормилъ сиротинушку Ярославль (городъ,
Возлелѣяла | сиротинушку | Волга матушка.

ii. Хо рошо больно легкая лодочка изукрашена:
Серебромъ златомъ|легкая лодочка|изнасѣчена;
Посередь стоитъ|легкой лодочки|знамя царское.

Изъ анапестопиррихія и 2хъ анапестовъ:

kk) И я золото| хороню,| хороню;
Чисто серебро |да хороню| хороню.
Я у батюшки въ терему, въ терему;
Я у матушки въ высокомъ, въ высокомъ.

3 Четырехстопные, съ ямбомъ дактилемъ и 4мъ пеон.

ll) Ой билъ меня мужъ, колотилъ меня мужъ;
Онъ билъ дубьемъ, да не скалочкою,
Называлъ меня сердечной другъ хаханочкою:

Ай душка, женушка, хаханочка моя!
За что, прочто долго сердишься?
Не могу я на тебя наглядѣтися,
Черныхъ чеботовъ накупитися,
Что Суботанька, то чеботанька.

Примѣч. Размѣрами, означенными подъ литерами: ff, ll, eee, c⁴ писаны почти всѣ стихотворенія Кирши-Данилова, изданныя Г. Якубовичемъ и Г. Калайдовичемъ, именно: *Садко богатый гость, Михайло Скопинъ, Женитьба Князя Владиміра, Три года Добрыня Стольничалъ, Алеша Поповичъ, Иванъ Годиновичъ, Первая поѣздка въ Кіевъ Ильи Муромца, Чурило Пленковичъ, Иванъ Гостиной сынъ, Илья ѣздилъ съ Добрынею, Ставръ бояринъ, Калинъ Царь, Потокъ Михайло Ивановичъ, Сорокъ каликъ съ каликою, Добрыня Чудь покорилъ, Василій Буслаевъ молиться ѣздилъ, Царь Саулъ Леванидовичъ, Никитѣ Романовичу дано Село Преображенское, Князь Романъ жену терялъ, на Бузанѣ островѣ, Ермакъ взялъ Сибирь, Гришка разстрига*, и другія подъ числами въ изданіи Г. Калайдовича: XXXV, XXXVI, XXXVII, XL, XLI, XLIV.

4. *Шестистопные* изъ анапестопиррихіевъ и пеоновъ съ хореемъ:

mm) Отростилъ бы я свои кудри, отростилъ бы
я свои русы по могучи плечи;

Подровнялъ бы я свои кудри, подровнялъ бы я
свои русы ноженки булатны;
Завязалъ бы свои кудри, завязалъ бы свои русы
въ Тальянской плашочикъ;
Во Тальянской плашъ плашочекъ, въ прямой
узолочикъ;
И пустилъ бы свои кудри и пустилъ бы свои
русы по матушкѣ Волгѣ;
Приплывайте мои кудри, приплывайте мои ру-
сы ко Нижнему городочку;
Ко Нижнему городочку, къ дѣвичью плошочку:
и проч.

Примѣч. Начальные два стиха 24хъ сложные, въ которыхъ попеременно первыя четыре стопы суть анапестопиррихій и 3й пеонъ, пятая пеоны: 1й или 2й или 3й, 6я хорей. Въ третьемъ стихѣ первыя четыре стопы 3й пеонъ; 5я и 6я на общихъ законахъ; 4й 7й стихи четырехстопные того же размѣра; ихъ уравнивали, повторяя первыя двѣ стопы.

Анапесто - ямбо - пеоническій Русскій экзаметръ размѣра II. см. выше стр. 66.

пп) При вольномъ, славномъ Царѣ || при Иванѣ
Васильевичѣ,

Когда холостъ былъ Осударь || Царь Иванъ
Васильевичъ.

Мастрюкъ Темрюковичъ, Кирши-Д.

Или.

оо) Во столь|номъ Новѣ|городѣ || было въ у|лицѣ
во Юрьевской;
Въ слободѣ было Тереньтьевской, || а и жилъ
былъ богатой гость.

Гость Теренщьище, Кирши-Д.

Примѣръ сего же размѣра изъ старинныхъ Русскихъ пѣсенъ:

рр) Ахъ по улицѣ молодецъ идетъ || вдоль по
широкой удаленькой;
Какъ на молодцѣ смуръ кафтанъ || опоясочка
шелковая. и пр.

Пеонические.

Изъ 1 го пеона:

1. *Двустопные*, принимающіе индѣ вмѣсто пеона дактиль, ямб. окончанія:

qq) Грушица грушица моя,
Грушица зеленая моя!
Что ты съ весны не зелена
Али на Петровъ день сажена
Али не поливана была?

Или.

rr) Пишь было пиво и вино
Лихо похмѣлье тяжело
Съ пивушка головушка болишъ.

2. *Трехстопные* трибрахическаго, дакти-лическаго и ямбическаго окончаній:

ss) Чарочки по | столику по |хаживаютъ
Или.
Вдованька по сѣничкамъ похаживаешъ
Пялички во рученькахъ понашиваешъ
Шьешъ ли не шьешъ ли показываешъ
Шила я милу другу шириночку
Сващался ко вдованькѣ гостиной сынъ съ Москвы,
Сказывалъ житье бытье пять сотъ кораблей
Думаю, подумаю, иду я за него;
Разумомъ раскину и быть дѣлу такъ.

Трехстопные хореическаго окончанія:

tt) Во полѣ береза стояла,
Во полѣ кудрявая сто яла;
Нѣкому бе|резы зало|мати,
Нѣкому кудрявой защипати.

Изъ 2го пеона.

Двустопные, изъ 2го пеона и дактиля:

○ — ○ ○ | — ○ ○
uu) Дитя мое, дитяшко,
Дитя мое | милое!
Что ходишь не|радошно,
Гуляешь не | весело,
Повѣся го|ловушку
На праву сто|ронушку,
Посупя я|сны очи
Во мать во сы|ру землю?

Изъ 2го пеона и анапеста:

○ — ○ ○ | ○ ○ —
xx) Летталъ голубь ворковалъ
○ — ○ ○ | ○ ○ —
Ко терему приставалъ,
○ — ○ ○ | ○ ○ —
Что въ теремѣ говорятъ.

Или.

Одинъ стихъ изъ 2хъ пеоновъ, а другой изъ пеона и дактиля на пр.:

○ — ○ ○ | ○ — ○ ○
zz) Ай во полѣ, ай во полѣ,
○ — ○ ○ | — ○ ○
Ай во полѣ липынька.

Хореическаго и ямбическаго окончаній:

○ — ○ ○ | — ○
aaa) Вчера вечеркомъ я
○ — ○ ○ | —
Съ голубкой сидѣлъ,
○ ○ — ○ | ○ —
На голубку глядѣлъ;
○ — ○ ○ | — ○
Игралъ, цѣловался,
Пшеничку клевалъ;

Поутру голубка
Убита лежитъ!
Застрѣленая,
Потерявая!

Или 1 й стихъ изъ 2 хъ пеоновъ, а другой анапестопиррихическiй:

bbb) Жемчужина окатная (*).
До чего тебѣ | докатишися?

Изъ 2 го и 3 го пеоновъ;

ccc) Ахъ, утушка луговая,
Молодушка молодая!
Ты гдѣ ночесь ночевала?

Или.

ddd) Пойду млада въ садъ садочикъ,
Сорву млада цвѣтъ цвѣточикъ;
Совью млада | вѣнъ вѣночикъ;
Вдѣну млада на головку.

Изъ 2 го пеона и анапестопиррихiя:

eee) Какъ по морю, морю синему
Плыла лебедь съ лебедятами;
Гдѣ ни взялся младъ ясенъ соколъ,
Убилъ, ушибъ лебедь бѣлую

(*) Такiе стихи суть чистые ямбическiе 3 хъ-стопные дактилическаго окончанiя, по правиламъ новѣйшаго нашего стихосложенiя.

Со малыми лебедятами;
Онъ пухъ пустилъ по поднебесью;
Руду точилъ по синю морю.

2. *Трехстопные* изъ 3го пеона трибрахич. окон.:

fff) Середь дворца стоитъ крыльцо, раскрашеное;
Съ того крыльца ведутъ къ вѣнцу красну дѣвицу;
Одинъ ведетъ за рученьку, другой за рукавъ,
Третій стоитъ, сердце болитъ: любилъ, да не взялъ.

Или.

Изъ двухъ вторыхъ пеоновъ и 3 го пеона, вмѣсто коего употребленъ индѣ амфибрахій, на пр.:

ggg) У душечки, у красныя у дѣвицы
Не дождичкомъ бѣлое лице смочило;
Смочило бѣло личико слезами,
Тужа, плача по миленькомъ по дружечкѣ,
По ласковомъ, привѣтливомъ словечкѣ.
Хорошъ, пригожъ мой миленькой уродился;
Не долго со мной дѣвушкой поводился,
Скорешенько сердечной другъ женился.

Изъ 2хъ вторыхъ пеоновъ и хорея, на пр.:

hhh) Куды эта дороженька пала?
Али въ лѣсы, али въ чисто поле?

Въ темномъ лѣсѣ всё пень да колода;
Въ чистомъ полѣ худая пшеница.

Изъ 2го пеона, дактиля и хорея:

iii) Во теремѣ гусли лежали;
Ай нѣкому въ гусли играти:
Еще Тита дома не случилось,
Федуловича дома нѣту;
У ласкова тестя пируетъ,
У ласковой тещи столуетъ.

Изъ 2го пеона, дактиля и 3го пеона:

kkk) Ходила младешенька по борочку
Брала брала ягодку земляничку
Пріѣхалъ мой | милой другъ | на лошадкѣ,
Въ лазоревой душечка епанечкѣ,
Хоть машетъ онъ плеточкой, не остегнетъ.

Вм. 3го пеона 2й или 1й съ прибавленіемъ долгаго слога:

lll) Лучина лу|чинушка | березова|я!
А чтожъ ты лу|чинушка | не ясно го|ришь,
Неясно горишь не вспыхиваешь?

Или.

mmm) Не трубушка трубила рано по зарѣ,
Свѣтъ дѣвица плакала по русой косѣ:
Вечеръ мою косаньку дѣвушки плели!

Изъ 3хъ вторыхъ пеоновъ съ долгимъ слогомъ:

ппп) Какъ подъ лѣсомъ подъ темнымъ шелкова
трава
На той травѣ | Донской козакъ | гудочикъ
игралъ.

Выходила, выступала красная дѣвица
Тонешенька, бѣлешенька, собой хороша.
Хорошая, пригожая, поди за меня!

Не пойдешь, другъ, спокаешься, спомянешь меня.

3. *Четырехстопные* изъ 2го пеона и хорея, или амфибрахія попеременно:

ооо) Со вечера дождикъ частехонекъ идетъ,
Частенекъ меленекъ что ситичкомъ сѣетъ,
Рѣшетомъ присѣваетъ, ведромъ поливаетъ.
Какъ братецъ сестрицу по головушкѣ гладитъ:
Рости моя сестрица, рости моя родная;
А выростешь велика отдамъ тебя замужъ, —
Не въ знакому деревню, не въ согласную семью.
Куды не поѣду, къ сестрицѣ заѣду.
Здорово сестрица, здорова родима!

Родимой мой братецъ не само здорово;
У новыхъ у сѣней сосновыя двери,
Сосновыя двери всю ночь проскрыпѣли;
Шелковая плетка всю ночь просвистала;
Мое тѣло бѣло всю ночь проболѣло.

Примѣч. Почти такимъ же размѣромъ написана Ѳ. Тютчевымъ піеска съ чужой стороны:

На сѣверѣ мрачномъ, на дикой скалѣ
Кедръ одинокой подъемлясь бѣлѣетъ
И сладко заснулъ онъ въ инистой мглѣ
И сонъ его буря лелѣетъ.
Про юную пальму снится ему
Что въ краю отдаленномъ востока
Подъ мирной лазурью на свѣтломъ холму
Стоитъ и цвѣтетъ одинока (*).

Изъ 3хъ геоновъ и хорея:

ррр) Жена моя боярыня честная Княгиня!
Ты бей меня, жури меня пока я маленѣкъ;
Я выросту, все вымѣщу; я всё не забуду.

(*) Нѣкоторые стихи лучше размѣряются амфибрахіями.

Изъ 2 го пеона, дактиля, 3 го пеона и анапеста:

qqq) Сказали про молодца будто безъвѣсти пропалъ,
Сказали удаленькой, будто не живъ не здоровъ,
А нониче | молодецъ | вдоль по ули|цѣ прошелъ.
Во свисточку просвисталъ, въ теремъ голосъ подавалъ.
Услышала голосокъ; размахнула положекъ.

Изъ 2 го пеона и дактиля попеременно:

rrr) Противъ красна солнышка стояла сосенушка.

Изъ 3 го пеона.

1. *Одностопные* трибрахическ. окончанія и двустопные хореическ. и ямбич. окончаній:

sss) Какъ за горницею
За повалушею.
Что ни въ гуслито играютъ
Ни въ свирѣль говорятъ.

2. *Двустопные* трибрахическаго окончанія:

ttt) У меня есть и широкой дворъ
И столбыто были точеные,
Верeюшки позолоченыя;
Ворота были хрустальнаго стекла;
Подворотенка рѣшетчатая,
Подворотенкой бѣлъ камышекъ лежитъ

Изъ-подъ камышка быстра рѣка бѣжитъ;
А по рѣченькѣ суденышко плыветъ.

Двустопный изъ 3го пеона съ одностопнымъ:

o o — o | o o — o
uuu) Пойду млада, по Дунаю
o o — o
Погуляю;
Зайду млада | во бесѣду
въ веселую;
Во бесѣдѣ | сидитъ младый
Мой любимый;
На колѣняхъ держитъ гусли
звончатыя;
По гуселькамъ струнятъ струнки
Золотыя;
Младый гусли заиграетъ,
Заиграетъ;
Мое сердце радо, радо
Взрадовалось.

2. *Двустопные* дактилическаго окончанія:

o o — o | o o — o o
xxx) Не кукуй ты, заунывная!
Ужъ и такъ мо|е сердечушко
Надорвалося|, надсѣлося.
Красно солнце затуманилось
И опять изъ облакъ выглянетъ;
Красна дѣвица печалится
И печаль ея не кончится.

Или.

o o — o | o o — o o
yyy) Идетъ дѣвица изъ терема,
Все лице е|я заплакано,
Очи ясны | помутилися,

Бѣлы руки опустилися;
Не стрѣла сердце поранила;
Не змѣя его ужалила:
Красна дѣвица помолвлена!

Изъ 3го пеона и дактиля:

◡ ◡ — ◡ | — ◡ ◡
zzz) А мы чистку чистили;
А мы просо сѣяли. и проч.

Или.

◡ ◡ — ◡ | — ◡ ◡
a⁴) Земляничка ягодка.
На полянкѣ | выросла,
Противъ солнца | вызрѣла.

Двустопные изъ 3го пеона:

◡ ◡ — ◡ | ◡ ◡ — ◡
b⁴) Свои руки бѣлы ломитъ,
Горючія | слезы ронитъ.

Или.

c⁴) Твое личи|ко бѣленько
И орлина | бровь черненька.

Изъ 3го и 2го пеоновъ.

Дактилическаго окончанія:

◡ ◡ — ◡ | ◡ — ◡ ◡
d⁴) У Архипа Матвѣича
Ахъ! бѣда у|чинилася:
Какъ безъ бури, | безъ вихоря
Ворота рас|творилися,
Три корабли|ка уплыли.
Какъ первой корабль съ золотомъ;
А другой съ чистымъ серебромъ,
А третій съ красной дѣвицей.
Ахъ не жаль то мнѣ золота,
Мнѣ ни чистаго серебра:
Да что жаль то мнѣ дѣвицы!

Или.

e[4]) У тебя нѣтъ у зятюшка
Ни уса ни | бородушки,
Ни сохи ни | боронушки,
Въ огородѣ | бороздушки,
На гумнѣ нѣ|шу кладушечки
На столѣ нѣ|шу краюшечки.

Изъ 3 го пеона съ хореемъ, амфибрахiемъ, или долгимъ слогомъ.

Хореическаго и ямбическаго окончанiя:

f[4]) Я не сплю не сплю, Ванюша (*)
Больше шакъ лежу,
Все тебя, мой другъ, Ванюшу
На умѣ держу.

Или.

g[4]) Воешъ сыръ боръ за горою. (**)
Мешелица въ полѣ;

(*) Двустопными пеонами сочинена Г. Раичемъ прощальная пѣснь: мужескiй изъ 3 пеона и анапесша, на пр.

Кшобы звонкими струнами
Про будилъ эѳиръ надъ нами
И расшрогалъ бы до слезъ.

(**) Изъ новѣйшихъ Б. Дельвигъ упошребилъ сей размѣръ въ своихъ пѣсняхъ:

Неузналиль злые люди
Нашей шайной страсши? и проч.

Встала вьюга | непогода

o — o o | — o

Запала дорога.

Или.

h⁴) Чернобровой, | черноглазой,

Чернокудре|ватой

Съ поволокою глаза,

Со примашкой голова;

Со прищелкою рука,

Со пришопкою нога.

Или.

o o — o | o o — o

i⁴) Какъ поѣдешь ты вѣнчаться

o o — o | — o

Заѣзжай прощаться;

Ты возьми то|ску кручину

Съ меня моло|деньки,

Зеплети мо|ю кручину

Добру коню въ гриву;

Ты размычь мою кручину

По чистому полю.

Изъ 3го пеона и анапеста:

o o — o | o o —

k⁴) Какъ у нашихъ у воротъ

Ставленъ новый | чердачекъ;

А во томъ ли чердачкѣ

Сидитъ дѣвица душа,

Умильныя словеса.

Пр. Симъ размѣромъ Раичъ написалъ піесу: Перекати-поле; женскій стихъ изъ 3го пеона и хорея на пр.

o o — o | o o —

Вѣтръ осеній набѣжалъ

o o — o | — o

На Херсонски степи

И съ родной ме|жи сорвалъ
Перекати-поле.
Вотъ проснулся | вѣтерокъ. . . .
Дунь, и прямо къ огоньку
Принеси сиротку!"
Говорило вѣтерку
Перекати поле.

Или.

o o — o|o o —
l^{4}) И я топнула ногой;
Сама съ тере|ма долой.

Или.

o o — o|o o —
m^{4}) Веселая голова
Не ходи ми|мо сада.

Или.

o o — o|o o —
n^{4}) Скажу въ садикѣ была,
Скажу ябло|ки рвала;
o o — o|o o — o
На бѣлое блюдо клала,
На серебря|ной поднось.

3. *Трехстопные* изъ 3 пеона трибрахич. окон.:

o o — o|o o — o|o o — o o o
o^{4}) Скажу гуси прилетѣли скажу сѣренькіе;
Скажу воду |возмутили,| скажу свѣженькую.

Или.

o o — o|o o — o|o o — o o o
p^{4}) Сѣни новыя, кленовыя, рѣшетчатыя,
Ахъ по э|тимъ по сѣ|ничкамъ не хаживати;
Во косяще|то окоше|чко не глядывати.)

Изъ 3 го пеона и Дактиля:

o o — o|o o — o|— o o
q^{4}) У залетнаго, ясна соколика
o o — o|o o — o| — o o
Подопрѣло его право крылышко

Право крылышко; правильно перушко.

Изъ 3го пеона хореическаго окончанія:

r[4]) У тесовы у кровати простояла;
Соболино | одѣяло | продержала.

Или.

s[4]) Все бѣла свѣта родимой ожидаетъ,
Народиму|ю сторону|шку взираетъ;
Тяжелехонь|ко мой батю|шка вздыхаетъ.

Или.

t[4]) Потеряла я младенька стара мужа.
А кто найдетъ, мои свѣты, вы утайте.
Вы утайте, мои свѣты, не отдайте.
Отведите вы старова въ темны лѣсы;
Привяжите вы старова ко осинѣ.
Охъ я три года съ старинкой не видалась;
На четвертоетъ годъ повидалась:
Ты здорово, старинушка, жируешь?

Или.

u[4]) Ты проходишь дорогая мимо кельи
Мимо кельи, гдѣ чернецъ бѣдный горюетъ.

Или.

v[4]) Вылетала соколина на долину;
Выроняла сизо перье голубино.

Или.

x[4]) Не голубушка въ чистомъ полѣ воркуетъ;
Невечерняя заря луга смочила;
Молода жена во теремѣ тоскуетъ,
Красоту свою слезами помрачила,

Непрестанно вспоминая мила друга;
Молодаго друга, милаго супруга.

Или:

у⁴) Ахъ вы кумушки голубушки, подружки
Вы которому святителю молились?

Изъ 3го пеона и анапеста:

z⁴) Ни когда я не бывала такова:
Во всю ночень|ку не спала | молода;
Мнѣ комарики мѣшали младой спать,
Взволновалося сердечушко мое!

Или:

a⁵) Я искала по полямъ твоихъ слѣдовъ;
Я бродила | по сыпуче|му песку,
Во сыромъ бо|ру аука|лась съ тобой!
Повидайся съ горемышною скорѣй!
Сиротою въ бѣломъ свѣтѣ я слыву;
Дольше году безъ тебя мнѣ каждый день;
При тебѣ же годъ, какъ ласточка, летитъ.

b⁵) Я посѣничкамъ хожу млада хожу,
Крозь стеколу|шка на мила|го гляжу,
Съ мила друга | ясны очи | не снесу;
Я не знаю чему друга примѣнить,
Примѣню я свово друга къ перстеньку:
Золотъ перстень на рукѣ, да на рукѣ;
Другъ сердечной на умѣ, да на умѣ.

Или.

c⁵) Мимо наше|го Покровска|го села
Протекала матка Яуза рѣка.

Примѣч. Иногда вмѣсто анапеста стоитъ одинъ слогъ лишній, на пр.

Прилетали къ соловью два сокола
Они взяли соловья съ собою
Посадили соловья да во-саду
Во серебряную клѣточку
Въ позолочену рѣшеточку.

4. *Четырехстопные* изъ 4хъ третьихъ пеоновъ:

d[5]) Какъ у нашего сосѣда созвана гостей бесѣда.
А всё молодцы, дѣвицы, молодыя молодицы;
А всѣ дѣвушки смирненьки, одна дѣвушка вострёнька;
Съ парнемъ шуточку сшутила, парню на ногу сшупила.

Три пеона и хорей:

e[5]) А, спасибо молодчинѣ урядилъ дѣвчину:
Не безчестно |красной дѣвкѣ| на улицу| выдти;
На улицу выходити, круги заводити,
Круги, круги |заводиши|, рѣчи говорити.
Ужъ не полноли, робяша, чужé пиво пити,
Не пора ли| намъ, робяша|, свое заво|дити?
Солодъ молодъ| на овинѣ,| а хмѣль на ты|чинѣ;
На тычинѣ |на тычинѣ| на самой ве|ршинѣ:
А вода што во Дунаѣ, дрова што въ болотѣ.

Изъ двухъ 3 ихъ пеоновъ, 1 го пеона и хорея:

f[5]) Тебѣ мягкая постеля бѣлая пороша
А высокое сголовье подворотня (трехстопный)
Тебѣ тепло одѣяло — лютые морозы.
Каково тебѣ невѣжѣ жить за воротами?
Таково мнѣ молоденькѣ жити за тобою!

Или.

g[5]) Не свивайся,| не свивайся| трава съ повелицей;
Не слетайся|, не слетайся| голубь со го|лубкой;
Не свыкайся|, не свыкайся| молодецъ съ дѣ|вицей:
Хорошо было свыкаться, тяжко разставаться.

Или.

h[5]) Во саду ли | въ огородѣ | дѣвица гу|ляла...
За ней ходитъ, за ней носитъ дороги подарки....
Принеси, моя Надежа, алаго гризету:
На двѣ юбки, на двѣ шубки, на двѣ тѣлогрѣи.

Изъ двухъ 3 хъ пеоновъ, 2 го пеона и хорея:

i[5]) Заросла моя деревня долами, горами,
И долами и горами, крутымъ берегами.

Или.

k[5]) При долинушкѣ стояла калину ломала,
Я калину|шку ломала|, въ пучечки вя|зала.

Два пеона, дактиль и хорей:

l[5]) Вы раздайтесь, разступитесь, добрые люди!

Изъ 3хъ пеоновъ и анапеста, или попеременно:

Изъ пеона и анапеста, на пр. (*):

m[5]) Когда зоренька потухнетъ, а всѣ люди
приуснутъ.

Или.

Ужъ какъ мнѣ младой тошненько: грусть сердечушко щемитъ;

Все сердечушко | щемитъ, | въ бѣломъ тѣлѣ | кровь
кипитъ.

Или.

n[5]) Дѣвка стоя на плоту мыла шелкову фату.

Хореич. окончанія:

Ужъ я радабъ отворить, буенъ вѣтеръ пудру
вѣетъ.

Или.

o[5]) Затопила я избушку, сама по воду пошла
На Самару на рѣку по ключевую воду.
Размахнула широко, почерпнула глубоко
Размахнула, почерпнула, подняла, пошла.
А на встрѣчу мнѣ кумѣ подокстовая кума;
Подь кумушка домой, подь голубушка домой.

Или.

p[5]) Какова въ по лу доска, что по милоемъ тоска,

(*) Они же хореические четверостопные по два въ рядъ.

Или вмѣсто пеона анапестъ:

ь⁵) Ой каковъ въ печи жаръ, таково мнѣ друга
жаль.

Или вмѣсто анапеста ямбъ:

Коя горстку, муки коя ложку воды.

Примѣч. Симъ размѣромъ написалъ Гнъ Баичь извѣстную пѣску, выкупъ холостаго:

Слышу въ двѣри стучатъ слышу громко кричатъ
Кандалы на него: въ тридцать лѣтъ не женатъ.
Кто мнѣ скажетъ: женись — я какъ листъ за-
дрожу (*).

Изъ 4го Пеона двустопные хореич. и дактил. окончаній:

ъ⁵) Гой еси вы|, князи бояра.

ѣ⁵) На небѣ солнце, въ терему солнце.

Примѣч. О дактилохореическихъ и амфибрахическихъ стихахъ народныхъ будетъ предложено въ своемъ мѣстѣ.

Сей малый трактатъ о размѣрѣ народныхъ Русскихъ пѣсенъ, основанный можетъ быть на однихъ предположеніяхъ, невѣрныхъ и слабыхъ, да позволено будетъ заключить словами Брод-

---

(*) Стихи сіи впрочемъ можно читать какъ четвеностопные анапестическіе.

зинскаго: „Русскіе Славяне остаются нынѣ народомъ единственнымъ, котораго вкусъ, обычаи и пѣсни напоминаютъ намъ картину древней Греціи!“

Амфибрахическіе размѣры.

Амфибрахическіе стихи, по числу стопъ, раздѣляются: на шестистопные, пятистопные, четырехстопные, трехстопные и двустопные.

1. *Шестистопный* амфибрахическій стихъ измѣряется ровно шестью амфибрахіями; впрочемъ попадаются и такіе стихи, въ которыхъ у 5го амфибрахія начальный слогъ откинутъ и слѣд. стихъ состоитъ изъ четырехъ амфибрахіевъ, дактиля и хорея, на пр.

∪ — ∪ | ∪ — ∪ | ∪ — ∪ | ∪ — ∪ | ∪ — ∪ | ∪ — ∪
Какъ волны ручья озаренны улыбкою юнаго утра.
(Жуковскій.)

Или безъ гласной въ 5й стопѣ:

∪ — ∪ | ∪ — ∪ | ∪ — ∪ | ∪ — ∪ | — ∪ ∪ | — ∪
Священная арфа Давида сильнѣй была его трона.
(Гнѣдичъ.)

Или.

∪ — ∪ | ∪ — ∪ | ∪ — ∪ | ∪ — ∪
И горе тому, кто Харитамъ противенъ:
— ∪ ∪ | — ∪
низкія мысли
Его отъ земли не восходятъ къ Олимпу; богъ пѣснопѣнья

И нѣжный Эротъ съ нимъ враждуетъ, напрасно лиру онъ строитъ.....
(Жуковскій.)

Пр. Г. Мерзляковъ употребилъ въ 3й стопѣ стиха сего размѣра, вмѣсто амфибрахія — ямбъ, на пр.

◦ — ◦ | ◦ — ◦ | ◦ — |
И быстро парящій Улиссъ къ чертогамъ Дейфоба стремится.

Такая вольность, какъ выше замѣчено, весьма обыкновенная въ народныхъ нашихъ стихотвореніяхъ, не пророчитъ ли намъ о Русскомъ количествѣ?

2. *Пятистопный* амфибрахическій стихъ состоитъ ровно изъ пяти амфибрахіевъ; но у Писателей нашихъ можно отыскать и такіе стихи сего рода, въ которыхъ на четвертомъ мѣстѣ начальнаго слога недостаетъ, и такой стихъ сочиненъ изъ трехъ амфибрахіевъ, дактиля и хорея; вотъ примѣры:

Не знали| сосѣдей |, сосѣдъ ихъ| едино|е море,
Котора|го волны|, ласкаясь|, почти до|сягаютъ
До хижи|ны бѣдной| : еще у|крашені|е мрака,
Луна, не свершила пути своего половины —
Любезна работа уже возбуждаетъ, тревожитъ
Покой рыболововъ. Встаютъ, отрясаютъ отъ вѣждей
Послѣдню дремоту, и вскорѣ ихъ гласъ раздается
По зыбкому брегу. Ахъ! сладостно утро въ работѣ.

(Рыбаки Θеокритовы, пер. Г. Мерзляковымъ.)

Или безъ гласной въ 4й стопѣ:

1 2 3 4
○— ○ | ○—○ | ○ —○ | —○○ | —○
Извлекъ, чтожъ увидѣлъ? Ахъ злато, чистое злато.
(Г. Мерзляковъ.)

Пр. Пятистопные амфибрахическіе стихи, говоритъ Г. Востоковъ, введены, кажется, въ употребленіе Г. Мерзляковымъ, который въ 1807 г. перевелъ такими стихами двѣ идилліи Θеокрита и одну Мосха, напечатанныя при переводѣ его Виргиліевыхъ эклогъ. Въ 1808 г. явился его отрывокъ изъ Одиссеи: Улиссъ у Алкиноя (Вѣст. Евр. 1808 г. кн. 7), въ 1826мъ Гомеровы гимны: Венерѣ и Пану (см. Уран, стр. 48 и 86).

3. *Четырехстопные* амфибрахическіе стихи бываютъ мужескіе и женскіе; первые состоятъ ровно изъ четырехъ, а послѣдніе изъ трехъ амфибрахіевъ и ямба. Впрочемъ, стихи сего рода бываютъ такіе, въ которыхъ за первыми двумя амфибрахіями слѣдующій слогъ пропущенъ, и такой женской стихъ составленъ изъ двухъ амфибрахіевъ, дактиля и хорея, а мужескій изъ 2хъ амфибрахіевъ, дактиля и долгаго слога, вотъ примѣры:

○ —○ | ○ —○ | ○ —○ | ○ —○
Отъ родины милой летали далеко (женс.)
(Батюшковъ въ пѣсни Гаральда смѣлаго.)

Жилъ въ дѣдовскомъ замкѣ могучій Ордалъ. (муж.)
(Жуковскій.)

Или,

Споешь ли| мнѣ пѣсню| веселу|ю, Скальдъ?
Спросилъ, о|зираясь|, могучій| Освальдъ.
(Жуковскій.)

Или.

Всѣ дни тво|и свѣтлы|, какъ майско|е утро!
Тамъ въ мирто|вой рощѣ|, гдѣ рѣзвой| Амуръ
Психею| лобзаетъ|, — увѣнчанъ| цвѣтами,
Ты граціямъ жертвы приносишь младымъ.

. . . .

Всё вянетъ! вѣнецъ Аполлона безсмертенъ.
(Изъ Матиссона, Г. Шевыревъ.)

Или въ 3й стопѣ безъ гласной:

Грохоча такъ кроютъ (бури) неба лазури. ж.
(Державинъ.)

Здѣсь тихій токъ съ ревомъ роетъ волна. м.
Тамъ въ блѣдныхъ туманахъ ржетъ намъ война
(Державинъ.)

Приб. А. Сумароковъ нѣкоторые псалмы и притчи преложилъ въ четверостопные амфибрахіи; 20я его басня 6й книги писана вольными амфибрахическими стихами: двустопными и четверостопными. Симъ же размѣромъ сочинены три піесы М. А. Лобанова, помѣщенныя въ Сынѣ отечества: ожиданіе вѣстника, на прибытіе Государя Императора, и Элегія Н. И. Гнѣдича: дружба, въ рожденіи Гомера: жалобы Ѳетиды. Изъ новѣйшихъ упомяну о

піесѣ Г. Ознобишина: мысль (см. Ураніи стр. 264), писанной вольными амфибрахіями.

4. *Трехстопный* амфибрахическій стихъ женскій измѣряется тремя Амфибрахіями, а мужескій двумя амфибрахіями и ямбомъ; напр.

Но счастье, какъ тѣнь, убѣгало

(Жуковскій въ Теонѣ и Эсхинѣ.)

И будемъ мы тѣни и прахъ.

(Мерзляковъ къ Торквату.)

Но солнце и небо далеко,
А бреннымъ созданьямъ земли
Законы судьбы зарекли
Изъ праха летѣть столь высоко.

(Ознобишинъ.)

Или:

Вечеръ съ дорогимъ посчиталась
Побранка была не большая. . . .

(Народ. пѣсня.)

Дактилическаго окончанія:

Тужите амуры и граціи
У Душеньки умеръ воробушекъ.

Трибрахическаго окончанія:

Ой травка муравка зелениинькая.

(Нар. пѣсня.)

5. Женскій двустопный амфибрахическій стихъ состоитъ изъ 2хъ амфибрахіевъ, а мужескій изъ одного амфибрахія и ямба, напр.

◦ — ◦ | ◦ — ◦ |

Прибрежны долины
Склонялись къ водамъ,
И стлался кудрявый
Кустарникъ по злачнымъ,
Окрестнымъ холмамъ.

(Эолова арѳа, Жуковскаго.)

Вдругъ мысль пробудилась —
И молньи быстрѣе
Надъ бездной паритъ!
Вотъ солнца достигла;
Вотъ солнцы надъ нею;
Но выше летитъ. . . .

(Ознобишинъ.)

Или:

Какъ свѣтятся блески
На розѣ росы,
Такъ милы усмѣшки
   Невинной красы.
   Младенческій образъ.
   Видъ въ каплѣ зари.
А быстро журчащій,
Межь розъ и лилей,
Какъ перломъ блестящій
По лугу ручей. . . .
Такъ юности утро
Играя течетъ.
   Рѣкажь, или взморье,
   Полдневной порой —
   Какъ въ долъ иль на взгорье —
   Несется волной:

Такъ мужество бурно
Страстями блеститъ.
Но озеро стклянно,
Утихнувъ отъ бурь,
Какъ тихо и важно
Чуть кажетъ лазурь:
Такъ старость подъ вечеръ
Стоитъ на клюкѣ.

(Державина четырѣ возраста жизни.)

Или:

Въ давнишніе годы
Былъ міръ веселѣй;
И солнцы и воды
Блистали свѣтлѣй!

*

Въ то время и младость
Рѣзвѣе была,
И долѣе кудри,
Намъ радость вила!

*

И лѣсъ былъ тѣнистѣй
Стыдливой четѣ,
И розы душистѣй
И люди не тѣ.

(М. Дмитріевъ.)

Дактилическаго окончанія.

◡ — ◡ | ◡ — ◡ ◡
Повѣся головушку
На праву сторонушку.

(Народ. пѣсни.)

Или.

Какую безсмертную
Вѣнчать предпочтительно.

(Моя богиня, Жуковскаго.)

Прибавленіе. 1. Амфибрахическіе стихи сплошные и вольные употребительны въ романтическихъ родахъ стихотвореній. Амфибрахій, какъ стопу неровную, древніе почитали слабою, изнѣженною, почему не ставили ее въ числѣ мѣръ благородныхъ: напротивъ она въ Русскомъ тоническомъ языкѣ можетъ быть весьма выразительною по опредѣленности и силѣ звуковъ и по гибкости своей подъ пиррихическое строеніе нашего языка. Амфибрахій, нѣкоторымъ образомъ, есть сокращеніе 2го и 3го пеоновъ, столько употребительныхъ въ народныхъ Русскихъ пѣсняхъ, мѣсто которыхъ нерѣдко въ нихъ заступаетъ. Не имѣя характера опредѣленнаго, онъ соединяетъ въ себѣ, кажется, свойства противуположныхъ стопъ: ямба и хорея, а потому можетъ примѣняться ко многимъ стихотворнымъ родамъ и принимать на себя разные тоны, смотря по сущности предмета. Въ древнихъ нашихъ пѣсняхъ онъ нѣженъ и томенъ, какъ у Жуковскаго: въ тоскѣ по миломъ:

Дубрава шумитъ
Сбираются тучи;
На берегъ зыбучій
Склонившись, сидитъ
Въ слезахъ, пригорюнясь, дѣвица-краса. . . .

Важенъ и величественъ, какъ у Батюшкова въ піесѣ Гезіодъ и Омиръ:

Народы, какъ волны, въ Колхиду текли.

. . . . .

Очистите поле, возницы!
Спѣшите! залейте студеной струей
Пылающи оси и спицы.

Или, какъ въ гимнѣ Омировомъ, переведенномъ Г. Мерзляковымъ:

Не рѣдко преслѣдуетъ (Панъ) ланей по мшистымъ вершинамъ;
Не рѣдко онъ рыщетъ по холмамъ, убійца животныхъ,
Ловецъ дальновидный. — Тогда, усладившись охотой,
На прагѣ пещеры сидя, на свирѣли играетъ
Онъ томныя пѣсни. . . .
Топочетъ ногами и плещетъ руками въ ладъ пѣсней.
Поляна играетъ подъ нимъ, испещренная пышно
Цвѣтами прелестными, злаками травъ благовонныхъ.

Напротивъ въ піесѣ Жуковскаго: Три пѣсни амфибрахій своенравенъ, силенъ и грозенъ. Почему, кажется, преимущественно идетъ для поэзіи сѣвера, гдѣ перемѣны стихій, буря и зефиръ, теплота и холодъ, сильныя, глубокія и нѣжно-томныя страсти такъ обыкновенны, такъ часто и неожиданно другъ друга смѣняютъ.

Приб. 2. Когда отнять у амфибрахическихъ стиховъ вообще сначала первый короткій слогъ, то они превратятся въ дактилическіе стихи.

IV.

О дактилическихъ стихахъ, чистыхъ и смѣшанныхъ.

а) Чистыми дактилями у насъ писали не многіе; но, принявши въ свое стопосложеніе стихи съ дактилическимъ окончаніемъ, мы должны будемъ по необходимости допустить всѣ размѣры чистыхъ дактилическихъ стиховъ отъ шести стопъ до двухъ. Вотъ примѣры нѣкоторыхъ:

1) Шестистопнаго стиха:

— o o | — o o | — o o | — o o | — o
Вьется кругами змія по травѣ, обновившись въ
o | — o o
разсѣлинѣ.

(Ломоносовъ въ письмѣ своемъ: о стихотворствѣ.)

2) Трехстопныхъ:

— o o | — o o | — o o
О домовитая ласточка, ...
Грудь краснобѣла касаточка. . . .

(Державина: Ласточка.)

Или.

Дщери Кронида всемощнаго
Нѣжныя, сладко-глаголивы,
Пѣсней высокихъ наставницы,
Музы, воспойте прелестную
Дѣву-луну окриленную. . . .

(Гимнъ лунѣ, Г. Мерзлякова.)

Или.

Придутъ морозы жестокіе;
Выпадутъ снѣги глубокіе;
Не хотя съ моремъ разстанешься.

(Народ. пѣсня.)

3) Примѣръ Двустопныхъ:

— ◡ ◡ | — ◡ ◡
Другу сердечушкѣ,
Милой милушечкѣ
Разуму здравому и проч.

(Шуточное посланіе Николева: à ma cousine.)

Или.

— ◡ ◡ | — ◡ ◡
Грудь лебединая
— ◡ ◡ | — ◡ ◡
Поступь павлиная.

(Народ. пѣсня.)

Ѣ) Чаще въ Русскихъ стихотвореніяхъ смѣшивали дактиль съ хореемъ, или пиррихіемъ, отъ чего самые стихи получили названіе *дактило - хореическихъ*. По числу стопъ они бываютъ: шестистопные, пятистопные, четверостопные, трехстопные, и двустопные.

1. *Шестистопный дактило - хореическій стихъ* называется по преимуществу *экзаметромъ*, подобно какъ у Римлянъ и Грековъ, которые имъ писали: поэмы, посланія, идилліи и другія повѣствовательныя стихо-

творенія. Въ первыхъ четырехъ стопахъ экзаметра могутъ быть употреблены, по произволенію, дактилическія и хореическія стопы, слѣдовательно спондеическія и пиррихическія, въ пятой стопѣ непремѣнно дактиль, а въ шестой хорей, или спондей, на пр.

— ◡ ◡ | — ◡ | — ◡ ◡ | — ◡ ◡ | — ◡

Хочешь ли видѣть мирное поле подъ жатвой

◡ | — ◡

богатой?

Слышать въ гумнѣ на то|ку бой| въ ладъ цѣ|повъ моло|тящихъ. . . .

Здѣсь сквозь доски пила визжитъ, зацѣпляясь зубами. . . .

Свиснулъ порывистый вѣтръ, буграми вздулося море,

Хлябь ревётъ и клокочетъ, огромныя волны хлебещутъ;

Ребра трепещутъ въ кораблѣ и скрыпятъ натянуты скрѣпы;

Руль раздробленъ и внезапно валъ, на корабль набѣжавшій,

Перевернулъ его трижды, стремглавъ сшибъ кормчаго въ бездну.

(Воейковъ въ посланіи Уварову.)

Или.

— ◡ | — ◡ ◡ | — — | — — ◡ ◡ | — ◡ ◡ |

Былъ великій алтарь; надъ нимъ многолѣтняго

— ◡

лавра

Сѣнь наклоѣнялась и| лики| до|машнихъ бо|говъ обни|мала:

Тамъ съ дочерьми сидѣла Гекуба, вотще пріютившись
Робко подъ жертвенникъ, словно какъ стая пугливая горлицъ
Въ грозу подъ кровлю, кумиры безсмертныхъ онѣ обнимали. . .

(Смерть Пріама изъ Энеиды, переводъ Жуковскаго.)

Или.

Всѣхъ упредя упиралъ на преддверіе Пирръ бѣдоносный,
Грозенъ, какъ пламенной, мѣдной броней и стрѣлами сіяя.
Такъ на солнцѣ змѣя, напившись ядомъ растеній,
Долго лежавъ неподвижна подъ тягостнымъ холодомъ снѣга,
Вдругъ чешую обновивъ, расправляетъ красы молодыя,
Скользкій волнуетъ хребетъ, золотистую грудь надуваетъ,
Вьется въ лучахъ и жаломъ тройнымъ, разыгравшися, блещетъ.

(Жуковскій изъ 2й пѣсни Энеиды.)

Или изъ Слова о полку Игоревѣ:

а) Не де|сять соко|ловъ лебе|дей на | стадо пу|щаше; (*Боянъ*)

а) Боянъ не пускалъ десяти соколовъ на стадо лебедей, но искусные персты свои возлагалъ на живыя струны; а сіи уже сами князьямъ славу возвѣщали.

Нъ своя | вѣщіа | прьсты на жи|вая | струны
въскла|даше;
Они|же са|ми Кня|земъ сла|вў роко|тахy.
b) . . . . Тогда | Игорь | възрѣ на | свѣтлое | солнце
И видѣ | отъ не|го тьмою | вся своя | воя при|-
крыты,
И рече | Игорь къ дру|жинѣ сво|ей: брат|і|е и
дру|жино
Луцежъ бы | потяту | быти|, неже по|лóнену|
быти:
А вся|демъ, брат|і|е, на | свои | бръзыя ко|мони,
Да позримъ Дону синего. . . .
Игорь говоритъ:
c) Съ вами, Русици, хощу главу свою приложити,
А любо | испи|ти шело|момъ До|нў. Ô Бо|яне,
Соловію стараго времени! А бы ты сіа плъки,
Ущекоталъ, скача славію по мыслену древу,
Летая умомъ подъ облакы; свúвая славы
Оба по|лы сего | времени|, рúща | въ тропу
Трояню
Чрезъ поля на горы.

---

b) Тогда Игорь воззрѣлъ на свѣтлое солнце и, видя всё свое воинство тьмою покрытое, воскликнулъ къ дружинѣ своей: Братцы и дружина! лучше быть изрубленнымъ, нежели достаться въ плѣнъ: сядемъ, братцы, на своихъ быстрыхъ коней, да посмотримъ на синій Донъ.

c) Съ вами, Россіяне, хочу главу свою приложить, или напиться шлемомъ Дону. О если бы ты Боянъ, пѣвецъ древнихъ лѣтъ, полки сіи воспѣлъ, скача соловьемъ мысленно по древу, летая умомъ подъ облаками, свивая славою обѣ половины сего времени, носясь за войскомъ чрезъ поля на горы.

d) . . . . Тому (Всеславу) вѣщей Боянъ и пръвое
Припѣвку смысленый рече: „ни хытрў, ни
горазду,
Ни птицю горазду, суда Божіа не минути.“
О стънати |Русской зе|мли, помя|нувше | пръвую
го|дину
И пръвыхъ Князей, Того стараго Владиміра не лзѣ
Бѣ пригвоздити къ горамъ Кіевскимъ. . . .

e) . . . Сѣдлай,
Брате, свои бръзыи комони, а мои ти готови,
О сѣдлани у Курьска на переди; а мои ти
Куряни свѣдоми къ мети, под трубами повити,
Подъ шеломы взлелѣяны, конець копія въскъ-
рмлени
Пути имь вѣдоми, яруги имъ знаеми, луци
У нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъ-
острени,
Сами | скачутъ | акы | сѣры|и влъцы въ полѣ,
Ищучи себѣ чти, а Князю славѣ. . . .

---

d) Такому (Всеславу) вѣщій Боянъ и прежде благора-
зумно припѣвалъ: ни хитрому ни гораздому, ни
птицѣ гораздой не миновать суда Божія. О стонать
тебѣ, Руская земля, воспоминая прежнія времена и
прежнихъ князей. Того стараго Владиміра не воз-
можно было пригвоздить къ горамъ Кіевскимъ.

e) Сѣдлай, братъ, своихъ быстрыхъ коней, а мои го-
товы и осѣдланы у Курска впереди; мои же Курча-
не искусны въ цѣль стрѣлять, подъ трубами повиты,
подъ шлемами взлелѣяны, концемъ копья вскормлены,
пути имъ извѣстны, овраги имъ знаемы, луки у
нихъ натянуты, колчаны отворены, сабли изостр-
рены, сами скачутъ, какъ сѣрые волки въ полѣ,
ища себѣ чести, а князю славы.

f. . . . . . Кая раны дорога
Братіе, |чти забывъ | и живо|та и | града Чръни|-гова,
Отня злата стола, и милыя своя хоти,
Красныя Глѣбовны свычая и обычая? Были
Вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля. . . .
g. Прысну море полунощи; идутъ сморцы мьглами;
Игоре|ви Князю | Богъ кажетъ | путь изъ зе|мли Поло|вецкой
На землю Русскую, къ отню злату столу. Погасоша
Вечеръ за|ри: Игорь | спитъ, Игорь | бдитъ, Игорь | мыслію | поля
Мѣритъ | отъ ве|ликаго | Дону до |малаго | Донца.
Камонь въ полуночи. Оврулъ свисну за рѣкою.
h) . . . . О| Донче не| мало
Ти величія, лелѣявшу Князя на влънахъ,

---

f) Какія, братцы, раны для него будутъ дороги, когда, забывъ почесть, жизнь, градъ Черниговъ, отеческій золотой престолъ и свою добрую волю, прекрасной Глѣбовны правъ и обычай. Были съѣзды Трояновы, миновались лѣта Ярославовы.

g) Брызгнуло (взволновалось) море въ полночь; идутъ тучи мглою: Игорю Богъ путь показываетъ изъ земли Половецкой въ землю Русскую, къ отеческому золотому престолу. Погасла заря вечерняя: Игорь спитъ, Игорь бдитъ, Игорь мысленно поля измѣряетъ отъ великаго Дону до малаго Донца. Готовъ конь въ полуночи. Оврулъ свиснулъ за рѣкою.

h) О Донецъ, не мало и для тебя величія; ты бережно носилъ Князя на волнахъ, стлалъ для него зеленую траву на сребристыхъ брегахъ своихъ.

— o o — o o | — o o | — o o | —
Стлавшу е|му зелену траву на своихъ сребреныхъ брезѣхъ. . .

o — o
i) Ту | Игорь Князь высѣдѣ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло Кощеево.

k) Уже дьскы безъ кнѣса вмоемъ теремѣ златоврьсѣмъ.

l) . . . . Ту ся Брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы
Ту крова|ваго ви|на недо|стa ту|пиръ до кон|чаша
Храбрыи Русичи. . .

m) Темнобо бѣ въ третій день: два солнца помѣркоста, оба
Багряна|я стлъпа | пога|соста, и| съ нимъ моло|дая
Мѣсяца|, Олегъ и| Святъславъ | тъмою ся| поволо|коста.

---

i) Тутъ князь Игорь пересѣлъ изъ своего золотаго сѣдла въ сѣдло Кощеево (Кощеями назывались отроки, окружавшіе князей).

k) Святославъ, отецъ Игоревъ, въ ту ночь, когда убитъ былъ сынъ его, видѣлъ сонъ; спорили со мною, говоритъ онъ, что въ златоверхомъ теремѣ моемъ доски безъ перекладины" (безъ кнѣса); не отсюда ли Слово: Князь?

l) Тутъ братья (Игорь и Всеволодъ) разлучились на берегу быстрой Каялы; тутъ кроваваго вина не достало; тутъ пиръ кончили храбрые Россіане.

m) Темно было въ третій день: два солнца (Князя) померкли, оба багряные столпа погасли, а съ ними

На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла: по Руской
Земли прострошася Половци, аки пардуже гнѣздо
И въ морѣ погрузисша, и великое буйство
Подасть Хинови. . . .
п) . . . . . . Великый Княже
Всеволоде! не мыслію ти прелетѣти издалеча,
Отня злата стола поблюсти? Ты бо можеши Волгу
Веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти. . . .
. . . . . .
Можеши по суху живыми шереширы стрѣляти (*).

и молодые мѣсяцы: Олегъ и Святославъ затьмились. На рѣкѣ Каялѣ тьма свѣтъ помрачила: простерлись Половцы, подобно пардову гнѣзду по землѣ Русской, погрузили оную въ пропасть и тѣмъ придали Хану великую дерзость.

п) Великій Князь Всеволодъ! не перелетѣть тебѣ, подобно мысли, издалека, для защиты отеческаго золотаго престола? Ты можешь Волгу веслами раскропить, а Донъ шлемами вылить. . . Можешь на сухомъ пути живыми шерешпрами стрѣлять.

(Переводъ Я. Пожарскаго.)

(*) Слово о Полку Игоревомъ ежели писано не прозою, а стихами, то мудрено ихъ подвести подъ извѣстныя правила. Олай Вормій, въ прибавленіи къ извѣстной своей книгѣ о Рунической словесности (de Litteratura Runica) пишетъ, что Скальды или Скальдеры, стихотворцы древнихъ Скандинавовъ, въ пѣсняхъ своихъ, или визахъ (Vyses) употребляли до 136 мѣръ; но различіе сіе состояло не въ размѣрѣ, или стопахъ, а въ числѣ слоговъ и расположеніи буквъ,

Прибавленiе 1. Греческiй и Римскiй экзаметры, вмѣсто хореевъ на первыхъ четырехъ и 6мъ мѣстахъ, принимали спондеевъ; даже попадаются въ Илліадѣ стихи, въ которыхъ и 5я стопа спондей, называемые по сему спондеическими (*σπονδειακοὶ, σπονδειάζοντες*). Нашъ языкъ лишенъ спондеевъ, слѣд. заключаютъ, и Русскiй экзаметръ дактилохореическiй есть несовершенное подражанiе Греческому.

Но ежели мы согласились, что народныя Русскiя стихотворенiя имѣютъ количество, разнообразя въ своемъ экзаметрѣ числомъ глас-

---

что для слуха едва чувствительно было. Вотъ два Латинскiе стиха, сложенные Олаемъ по правиламъ Рунической Поэзiи:

Christus, caput nostrum,
Coronet te bonis.

Начальныя буквы словъ: *Christus, caput, coronet* суть три соотвѣтствующiя буквы въ двустишiи въ первой строкѣ первые слоги словъ *Christus* и *nostrum*, во второй *on* въ *coronet bonis* дѣлаютъ надлежащее соотвѣтствiе въ слогахъ: (Разсужд. о Древн. Русс. Словесн. Г. Грамматина стр. 28 и 29). Не такъ ли написано Слово о полку Игоревомъ? А ежели стихами по извѣстнымъ намъ размѣрамъ, то кажется экзаметромъ. Впрочемъ это — менѣе, нежели догадка, это натяжка, не спорю! Но есть надежда, что, употребя нѣкоторыя вольности, какъ-то: опущенiе гласныхъ сходственныхъ: *прелетѣти издалеча.* (elisio) и проч. можно напечатать всю поэму экзаметрами, какъ она есть.

ныхъ, мы сохраняемъ въ немъ количество шести музыкальныхъ временъ; два слова долгихъ — и хореи наши сравнены во времени съ дактилями и слѣд. спондеями древнихъ; то почему не допустить намъ въ свою поэзію шестистопнаго дактилохореическаго стиха на слѣдующимъ условіяхъ:

1. Чтобы въ немъ наблюдена была чистота хореевъ для плавности стиха.

2. Ежели уже трудно при семъ избѣгнуть рихіевъ, то, придавши имъ въ выговорѣ количество дактиля и хорея, кажется, необходимо въ такомъ случаѣ должно принять за правило, чтобы не начинать съ пиррихія дактилохореическихъ экзаметровъ; въ противномъ случаѣ они перемѣнятся въ анапестоямбическіе стихи.

И Пріамъ и народъ знаменитаго въ браняхъ Пергама.

3. По тому же условію можно принимать трибрахій за дактиль, даже начинать имъ стихъ, опираясь на слѣдующемъ долгомъ слогѣ; ибо, въ семъ случаѣ, прибавляетъ, Г. Востоковъ, недостатокъ ударенія замѣняется большимъ количествомъ краткихъ слоговъ, предшествующихъ долгому, и служащихъ оному достаточнымъ перевѣсомъ для поддержанія мѣры, на пр.

Чаще молись принося умилостивительны жертвы.

4. Кромѣ хореевъ и пиррихіевъ можно принять въ наши экзаметры спондеи или два долгіе слога, весьма искусно соединенные, на пр.

— о о — —
Видишьли | знакъ данъ | вырвавшись | вонъ изъ о|грады пом|чались
Сто колесницъ . . . : .

Говорю, весьма искусно, ибо въ великороссійскомъ выговорѣ трудно сочинять спондеи.

5. Мудрено постановить непремѣнныя правила, гдѣ употреблять хореи и гдѣ дактили: это расчетъ піита. Г. Гнѣдичь ставитъ первымъ размѣромъ въ экзаметрахъ: пять дактилей сряду и хорей на пр.

Гнѣвъ о Бо|гиня во|спой Ахил|леса Пе|леева| сына.

напротивъ Г. Востоковъ почитаетъ первымъ, т. е. обыкновеннымъ экзаметромъ, состоящій изъ 4хъ хореевъ, дактиля и опять хорея:

Волны| моря|, вставши |съ ревомъ|, хлещутся| въ берегъ

Но такіе размѣры можно почитать крайностями: въ первомъ случаѣ быстрѣе, а въ послѣднемъ медленнѣе не можетъ стихъ простираться; ибо, превратя его въ спондеическій древній, получимъ уже не дактилохореическій, а чистый шестистопный, хореическій стихъ.

6. Болѣе, нежели при другихъ родахъ стиховъ, вѣрно должно соблюдать силу, или удареніе словъ въ экзаметрѣ: ибо въ немъ число гласныхъ не равно и трудно будетъ знать, какое

слѣдуетъ дать имъ время? Почему, выводитъ Г. Востоковъ, лучше протягать короткіе слоги, нежели, на оборотъ, сокращать долгіе, на пр.

Токъ ли желаешъ имѣть на гумнѣ? урав-

няй сперва| мѣсто.

Тѣмъ болѣе, что въ языкѣ Русскомъ меньше долгихъ и много дактилей, пиррихіевъ и хореевъ.

Прибавленіе. 2. Изъ соотечественниковъ нашихъ прежде всѣхъ началъ писать въ прошедшемъ вѣкѣ экзаметрами Тредьяковскій, который въ своей Телемахидѣ коверкалъ языкъ Русскій на зло вкусу и его генію, и тѣмъ ославилъ вводимый имъ размѣръ. Ежели экзаметръ увольнялъ его отъ риѳмы, столько ненавистной его дарованію, то тѣмъ болѣе въ правѣ мы искать въ его Поэмѣ лучшихъ стиховъ по отдѣлкѣ и чистотѣ языка; вышло противное: риѳмованные стихи Тредьяковскаго сноснѣе бѣлыхъ стиховъ его Телемахиды. Сумароковъ, желая представить лучшій образецъ въ семъ родѣ, перевелъ экзаметромъ отрывокъ изъ Фенелонова Телемака (Ч. I. стр. 313). Въ 1776мъ въ IVй Части Трудовъ Вольнаго Русск. Собранія при Моск. Университетѣ помѣщено стихотвореніе М. Н. Муравьева подъ заглавіемъ: Роща, писанное экзаметромъ; тою же мѣрою преложена Эклога Виргиліева: Титиръ В. Рубаномъ (ежемѣсяч. соч. 1793), а потомъ Г. Галинковскимъ (10 кн. Чтенія въ Бесѣдѣ 1813). Сей послѣдній, извѣстный просвѣщенной публикѣ по из-

данному имъ Корифею, несправедливо почиталъ себя 1мъ возстановителемъ экзаметра, после Тредьяковскаго.

Гораздо съ большимъ успѣхомъ отработали сей размѣръ Гг. Воейковъ и Гнѣдичь, особливо послѣднiй. По совѣту С. С. Уварова, онъ началъ переводить съ Греческаго Омирову Илiаду размѣромъ подлинника. Первые опыты сего преложенiя, напечатанные въ 13й книжкѣ чтенiя въ бесѣдѣ, приняты весьма благосклонно. Прекрасные переводы и сочиненiя Жуковскаго, писанные экзамеметрами, какъ-то: Овсяной кисель, Красный карбункулъ, отрывки изъ Энеиды, изъ Клопштоковой Мессiады, изъ Превращенiй Овидiевыхъ и проч. посланiе Г. Воейкова къ Уварову объ экзаметрахъ, его переводы и Г. Мерзлякова изъ Георгикъ, сказка Ѳ. Глинки: Бѣдность и Трудъ, кажется навсегда усвоили сей размѣръ нашему языку.

2) Пятистопные дактилохореическiе стихи, или пентаметры, женскiе въ первыхъ трехъ стопахъ, по произволенiю, принимаютъ дактили и хореи, въ четвертой дактиль, а въ 5й хорей, въ мужескихъ пятую стопу составляетъ слогъ долгiй, на пр.

Если не|бесной| дружбы же|ланья стре|мятся ж.

. . . .

Всякая| радость съ то|бой благо|воннѣй цвѣ|тетъ м.

Державинъ.

Прибавленiе. Сочетанiе экзаметра съ пентаметромъ у древнихъ составляло особенный

родъ стихотвореній, по которому самый размѣръ сей назывался элегическимъ, какъ можно видѣть въ плачѣ Овидія, въ Тибуллѣ, Проперціѣ и въ Греческой Анѳологіи. Замѣтимъ здѣсь, что пентаметры Греческіе и Римскіе не то, что наши Русскіе; первые имѣли два полустишія; одно изъ оныхъ состояло изъ $2\frac{1}{2}$ стопъ: дактиля, или спондея по произволенію и слога долгаго, а второе изъ двухъ дактилей и слога долгаго; вотъ примѣры элегическихъ стиховъ:

Нѣтъ на Эротѣ покрова; ни лукъ, ни горящія стрѣлы
— ◦ ◦ |— ◦ ◦ |— || — ◦ ◦ |— ◦ ◦ |—
Нѣжныхъ раменъ не тягчатъ; взоры улыбка живитъ.
Ликъ сей не тщетно представленъ съ цвѣткомъ въ рукѣ и Дельфиномъ:
— ◦ ◦ |— ◦ ◦ |—
Суши державу и водъ || оный являетъ символъ.
(Изъ Греческой Анѳологіи.)

Или.

Хитро-извитую уду рыбакъ закинувши въ море,
Вытянулъ черепъ пловца, || весь обнаженный власовъ.
Жалость въ душѣ ощутилъ: мертвецу, лишенному тѣла,
Вырылъ безъ заступа гробъ, памятникъ бѣдный воздвигъ . . . .
Роя могилу; нашелъ онъ скрытое злато. О смертный!

Будь милосердъ — и всегда || примешь достойную мзду.

(Изъ Анѳологіи.)

Или.

Въ рощахъ Книдійскихъ узрѣвъ Киприда Киприду, вскричала:

Боги! гдѣ могъ Пракситель видѣть нагую меня!

(Надпись къ истукану Киприды въ Книдѣ.)

Или.

Зевсъ ли на землю сошелъ и тебѣ явилъ свой безсмертный

Образъ, и|ли ты| самъ||видѣлъ его въ небесахъ?

(Фидіевъ Зевсъ, изъ Анѳологіи.)

3. *Четверостопный* дактилохореическій стихъ сочинялся различно, или а) женскій состоитъ изъ трехъ дактилей и хорея, а мужескій изъ 3хъ дактилей и слога долгаго. Такъ написана 4я ода Пиндара.

Примѣръ женскихъ:

Свѣтъ мое| дитятко|, свѣтъ доро|гое!
Куды дѣвалося бѣлое тѣло?
Бѣлое тѣло, алой румянецъ?
Свѣтъ моя матушка, свѣтъ дорогая!
Бѣлое тѣло, въ шелковой плеткѣ,
Алый румянецъ въ бѣлыхъ рукахъ.

(Народ. пѣсня.)

Или.

Башни рукою за облакъ бросаетъ. ж.

(Державинъ.)

Примѣръ однихъ мужескихъ:

Радость го|лубка ле|титъ отъ ме|ня.......

Или.

Выду младенька на | быстрый Ду|най
Стану младенька на крутъ бережекъ
Кину въ него я свой лучшій вѣнокъ,
Лучшій вѣнокъ во рѣку ту Дунай.

(Нар. пѣсня.)

Или.

Мутный источникъ, слѣдъ яростной бури, ж.
Съ ревомъ и съ шумомъ бѣжитъ по полямъ. м.

(Батюшковъ.)

Прибав. Женскій стихъ сего размѣра у древнихъ назывался Архилохіевымъ, а мужескій Алкмановымъ.

Или 6) женскій состоитъ изъ дактиля и хорея и опять дактиля и хорея, а мужескій изъ дактиля, хорея, дактиля и слога долгаго, напр.

Море тумановъ долъ облегаетъ. ж.

(Востоковъ.)

Слезы младенецъ нѣжны манитъ. м.

(Державинъ.)

Приб. Женской стихъ сего рода у Грековъ извѣстенъ былъ подъ названіемъ Фалическаго (*)

— ◡ ◡ — — | — ◡ ◡ | — —

Mobili|bus poma r i a rivis; ежели же за двумя дактилями слѣдовали два хорея, такой стихъ назывался Архилохіевымъ, или малымъ алкаиче-

— ◡ ◡ | — ◡ ◡ | — ◡ | — ◡

скимъ (vertere funeribus triumphos), въ отличіе отъ большаго алкаическаго, который состоялъ изъ ямба, амфибрахія и двухъ дактилей, и нравился особенно Горацію, на пр.

(*) На первыхъ двухъ мѣстахъ могли быть дактили или спондеи безъ различія.

Горацїянская строфа.

Когда гиганты || горды воздвигнулись } Горацї-
Тогда защитникъ отчаго царствія } ян. стихи.

Вонзилъ ты львины когти въ Рета (ямбич. тетраметръ, мужескій.)

Лютымъ его отразилъ ударомъ

(Архилохїевъ.)

(Востокова переводъ оды Горацїевой: *Похвала Вакха*)

7. Триметръ дактилохореическій сочиняется или а) изъ двухъ дактилей и хорея женскій, изъ дактиля и хореямба мужескій, напр.

Вьются сѣдые туманы, ж.

(Карамзинъ.)

Или.

Маленька, сизенька птичка . . . . .
Лѣтняя гостья, пѣвичка.

(Ласточка Державин.)

Пляшутъ топочутъ стопой. м.

(Державинъ.)

Или.

Выду на новыя сѣни
Я на частыя переходы,
Я обопрусь о перилы,
Я обогнусь соболями,
Вся обольюся слезами?

(Нар. пѣсня.)

Примѣч. Женскій стихъ сего размѣра Греки называли также Алкмановымъ, а мужескій малымъ Архилохїевымъ: pulvis et umbra sumus.

Или Ъ) дактилохореический триметръ женскій имѣетъ между двумя хореями дактиль, а мужескій состоитъ изъ хорея и хореямба, напр.

Лирой | насъ не плѣ|няешь. . . . ж.

(Востоковъ.)

Спутанъ | сѣтью за|ботъ. м.

Приб. Женскій стихъ сего рода древніе называли Ферекратовымъ: mul|to| non sine risu, а съ дактилическимъ окончаніемъ т. е. состоящій изъ хорея и двухъ дактилей — Гликоніевымъ; dulce est desipere in loco. Вольный хореическій сочинялся изъ двухъ хореевъ, дактиля, и слога долгаго. Cur ti|mes fla|vum Tibe|rim. Вотъ примѣръ сего послѣдняго изъ народныхъ Русскихъ пѣсенъ, съ прибавленіемъ краткаго слога:

Я ве|черъ ве|черъ моло|денька
Долго | вече|ра | проси|дѣла,
Я до|само|ва до раз|свѣту,
Всю лучинушку припалила,
Всѣхъ подруженекъ утомила,
Всё *тебя*, мой другъ, дожидалась.

Примѣръ стиха Ферекратова:

Лжи на свѣтѣ нѣтъ мѣры,
Тожъ лукавство да тожъ
Гдѣ ни ступишь, тутъ ложь
Скроюсь вѣчно въ пещеры.

(А. Сумарокова Ч. VII. ст. 288.)

Въ своихъ лирическихъ опытахъ Г. Востоковъ въ піесѣ: къ Достойнымъ, употребилъ размѣръ, подобный Ферекратову. Въ первыхъ трехъ

стихахъ пропущенъ долгій слогъ, дѣлающій пресѣченіе, а въ послѣднемъ сихъ дактиль превращенъ въ амфимакръ.

3. Диметръ дактилохореическій женскій имѣетъ дактиль и хорей, а мужескій одинъ хореямбъ, напр.

Вижу въ сіяньѣ
Грады эѳира,
Солнцы кругомъ;
Вижу собранье
Горняго міра;
Ангеловъ сонмъ,
Руки простерши,
Ольгу пріемлютъ
Въ свѣтлый свой полкъ.
Вижу блаженну,
Чистую душу
Всю изъ огня
Въ свѣтъ облеченну;
Въ райскую кущу
Идетъ дитя;
Зритъ на Россію;
Зритъ на Петрополь,
Зритъ на родныхъ.

(Державинъ.)

Или.

Май благодатный
Въ сонмѣ зефировъ
Съ неба летитъ;
Полною урной
Сыплетъ цвѣточки.

(Востоковъ).

Приб. 1. Женскій стихъ сего размѣра у древнихъ назывался адоническимъ, и употреблялся въ печальныхъ пѣсняхъ, воспѣваемыхъ во время годовыхъ торжествъ въ честь Адониса

Приб. 2. Тетраметры, триметры и диметры дактилохореическіе, кажется, изъ новѣйшихъ прежде всѣхъ началъ обработывать Сумароковъ въ своихъ духовныхъ стихотвореніяхъ. Г. Востоковъ приписываетъ честь возстановленія оныхъ Карамзину, который представилъ лучшіе образцы сочетанія сихъ стиховъ въ своихъ піесахъ: Къ прекрасной, къ Державину и др.

Гдѣ ты прекрасная, гдѣ обитаешь?
Тамъ ли, гдѣ пѣсни поетъ Филомела,
Кроткая ночи пѣвица,
Сидя на миртовой вѣтви?
Многіе барды, лиру настроивъ,
Смѣло играютъ, поютъ.

Приб. 3. Вотъ почти всѣ стихотворныя формы, которыя принимала національная Русская Поэзія. Нѣкоторые Піиты. особенно Востоковъ, надъ языкомъ нашимъ испытывали многіе древніе размѣры, на пр. Гораціянскій, Сафическій и др. (см. лирическія его опыты). Слухъ нашъ еще не привыкъ къ такой новизнѣ; но счастливые опыты сего Піита-Филолога и его послѣдователей доказываютъ намъ, что мы можемъ современемъ усвоить своему языку всѣ красоты древней Поэзіи. — Вотъ нѣкоторые примѣры перево-

довъ Г. Востокова и другихъ. Exegi monumentum:

— ◦ ◦ ◦ | — || — ◦ ◦ | — ◦ ◦

Крѣпче | мѣди себѣ создалъ я памятникъ (Асклепіадовъ стихъ)

Взялъ надъ Царскими онъ верхъ пирамидами.

Или Волкова: Quem tu Melpomene, стихомъ Гликоніевымъ, смѣшаннымъ съ Асклепіадовымъ; на пр.

О бо|гиня, вли|вающа

Въ струны лиры златой, пѣсни Божественны.

Или.

Волковъ! милый пѣвецъ, что ты молчишь теперь?

Ты своею давно, Анакреонтскою

Лирой насъ не плѣняешь (Ферекрат.).

И Парнасскихъ не рвешь цвѣтовъ? (Глик.)

(Асклепіадская строф. Г. Востокова.)

Г. Мерзляковъ написалъ стихи, въ которыхъ одно полустишіе состоитъ изъ дактилей, а другое изъ амфибрахіевъ, стопъ, повидимому, противуположныхъ.

Мразы и | снѣги прошли || луга об|лёклися| въ одежды

Въ зеленыя кудри древа;

Видъ премѣнила земля, въ брегахъ спокойны рѣки

И пышно и ровно текутъ.

Г. Висковатовъ писалъ ямбохореическимъ и хореямбическимъ размѣрами, на пр.

Въ красѣ грозной | блеститъ полдень,

Лучи знойны | густятъ воздухъ

Томятъ землю.

(Ямбохореич. раз.)

Или.

— ◦ ◦ — — ◦ ◦ —

Свѣтлой зарей || блещетъ востокъ

Утро явясь землю живитъ,

будитъ весь міръ.

(Хореямбическій размѣръ.)

Или, какъ въ старинныхъ народныхъ стихотвореніяхъ:

— ◦ ◦ | — ◦ ◦ | ◦ ◦ — ◦ | ◦ ◦ — ◦ ◦ ◦

Выросла, выросла выростала трава шелковая

Или.

— ◦ ◦ ◦ —

Аль его, аль его (цвѣтокъ) краснымъ солнцемъ выпекло,

Аль его, аль его буйнымъ вѣтромъ выдуло.

Аль его, аль его боярышни вырвали,

Вырвали, вырвали, въ быстру рѣку бросили.

Все это доказываетъ гибкость и способность языка Русскаго къ принятію всѣхъ возможныхъ формъ стихотворныхъ. Какое отверзается поле для юныхъ пѣвцовъ и поэзіи нашей, ежели каждое чувство Пiита, каждой родъ стихотворный приметъ особенный, свойственный имъ размѣръ.

Вотъ еще примѣръ сафическаго стиха:

Майска тиха ночь разливала сумракъ,

Голосъ птицъ умолкъ, вѣтерокъ прохладный.

Вѣялъ, златомъ звѣздъ изпещрялось небо,

Рощи дремали.

(Востоковъ.)

Т. е. стихъ сей пятистопный дактилохореическій, въ которомъ дактиль стоитъ по срединѣ между четырьмя хореями.

Заключенiе.

Изложивши правила Русскаго стихосложенiя, нужнымъ почитаю замѣтить, что, собственно, я ничего не сообщилъ новаго юнымъ соотечественникамъ, заимствуя всё у писателей; но желаю поставить на видъ:

1. Новѣйшее Русское стихосложенiе извѣстно было въ Великой Россiи прежде Ломоносова; вѣроятно оно было дѣломъ случая, а не искусства, и писатели могли не знать Греческихъ стопъ, сочиняя ими свои пѣсни. Отецъ Русскаго слова имѣлъ славу возстановить древнюю нашу стихотворную мѣру; по чему несправедливо утверждаютъ, будто мы заимствовали ее у Нѣмцевъ.

2. Языкъ пѣсенъ, не смотря, что онѣ поются съ вѣковъ незапамятныхъ, чище и ближе къ языку общественному и вообще къ благородному выраженiю позднѣйшихъ писателей. Книжный языкъ С. Полоцкаго, К. Кантемира, Тредьяковскаго, А. Сумарокова имѣетъ низшее достоинство и много отсталъ отъ народнаго. Даже новѣйшiе слагатели пѣсенъ несовершенно схватили черты народныя и кажутся болѣе подражателями, нежели творцами.

Не спросилиль злые люди
У отца роднаго?
Не спросилиль супостаты
У твоей родимой,
Чей у ней на ручкѣ перстень?
Чья въ повязкѣ лента?
Лента, ленточка цвѣтная
Съ золотой каймою,
Перстень съ чернью расписною,
Съ чистымъ изумрудомъ?

Б. Дельвигъ.

3. Доселѣ неправильно смѣшиваются ямбическіе и хореическіе стихи съ пеоническими. Преимущественно въ послѣднихъ имѣютъ мѣсто пиррихіи; въ первыхъ слѣдуетъ наблюдать чистоту ямбовъ и хореевъ, отъ чего самыя стопы будутъ явственнѣе, характеръ и тонъ цѣлой піесы опредѣленнѣе, плавнѣе: такихъ стиховъ у насъ не много.

4. Принявши стихосложеніе пеоническое и слѣд. большій размѣръ для членовъ стиха, или отношеніе долгихъ слоговъ къ короткимъ, какъ 1 къ 3мъ, мы совершенно уравниваемъ въ языкѣ тѣ и другіе слоги, сообразно его генію; дѣлаемъ самый языкъ изобильнымъ въ долгихъ такъ, что ихъ можно сокращать. Тогда продолжать короткіе слоги — нѣтъ необходимости и даже непріятно для слуха; въ пѣсняхъ рѣдкое слово подпадаетъ подъ два ударенія (арсиса).

5. Сила четырехсложной стопы въ ряду слоговъ короткихъ имѣетъ надъ ними ощутительный перевѣсъ во времени при выговорѣ; такъ отдѣляются въ нашемъ пiитическомъ языкѣ яркою чертою долгiе и краткiе звуки голоса, и выраженiе словесное доводится до того, что не льзя его читать иначе, какъ съ нѣкоторымъ пѣнiемъ, не произвольнымъ, а указаннымъ самою природою слоговъ, или звуковъ. Доказательствомъ сему служатъ наши народныя пѣсни.

6. Стихи въ пѣсняхъ не риѳмованные, не силлабическiе, не акцентованные, но стопованные; и, ежели нужно сравнивать стихотворную мѣру съ музыкальнымъ тактомъ, то въ стихахъ подчиненiе многихъ слоговъ силѣ стопы, непротивно употребленiю и слѣд. свойству языка. Можно сказать, что во всякой сложной стопѣ сила ея равняется количествомъ остальнымъ подчиненнымъ ей слогамъ. Впрочемъ музыка языка имѣетъ свои собственные законы, болѣе неуловимые, нежели грубый и бездушный тактъ музыкальный.

7. Въ стихотворенiяхъ народныхъ сохранены всѣ условiя количественной Поэзiи: разнообразiе, движенiе, единство, строгое послѣдованiе однѣхъ и тѣхъ же мѣръ, въ ко-

торыхъ наблюдено стихотворное удареніе (elevatio, ἄρσις), словомъ всѣ элементы, служащіе основаніемъ древней Поэзіи: смѣло заключаю, что мы въ правѣ наслѣдовать отъ древнихъ всё богатство ихъ музыкальной Поэзіи.

„Да будетъ честь и слава нашему языку, который, какъ говоритъ Карамзинъ, „въ самородномъ богатствѣ своемъ почти „безъ всякаго чуждаго примѣса течетъ какъ „гордая, величественная рѣка, шумитъ, гремитъ и вдругъ, ежели надобно, смягчается, „журчитъ нѣжнымъ ручейкомъ и сладостно „вливается въ душу, образуя всѣ мѣры, какія заключаются только въ паденіи и возвышеніи человѣческаго голоса!“

ПОГРѢШНОСТИ

Стр.	Строк.	*Напечатано:*	*Читай:*
16	24	въ соединеніи.	въ сложеніи
21	14	намъ	инымъ
32	21	журнальный	начальной;
39	12 и 13	долгій	короткій
—	26	стихъ	стихъ женскій
		◡ ◡	◡ ◡ —
48	7	Ахъ какъ-бы	Ахъ кабы
52	14	разстроченъ	разстроченъ.
91	18	мужескіе и женскіе	женскіе и мужескіе
